

КОЛДОВСКИЕ

МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

МАРУСЯ

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ИГРЫ

Колдовские миры Галины Гончаровой

Галина Гончарова

Маруся. Провинциальные игры

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Маруся. Провинциальные игры / Г. Д. Гончарова — «Эксмо»,
2020 — (Колдовские миры Галины Гончаровой)

ISBN 978-5-04-114148-6

Кто сказал, что, сбежав в провинцию, можно скрыться? От интриг, убийц, ненужного жениха... Может, у кого-то это и получится, но княжна Горская жить тихо не умеет. Научную работу надо вести, бизнес надо раскручивать, а если случайно встретишься с бывшим женихом, то... можно выйти замуж! За другого мужчину, конечно. Заключение взаимовыгодное соглашение – и вперед. А во что все это перерастет? Неизвестно. Но постепенно все утрясется, наверное. Если в столицу не вызовут...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-114148-6

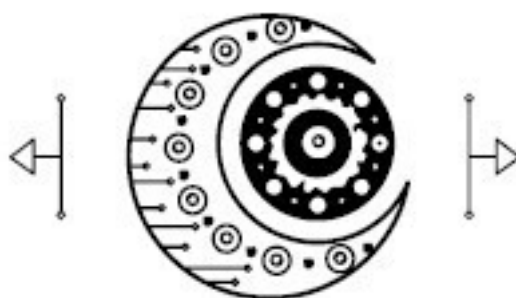
© Гончарова Г. Д., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	42
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

Галина Гончарова
Маруся. Провинциальные игры

© Гончарова Г. Д., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Корнет, вы... женщина?

Ёжь твою рожь.

Других слов у меня не было. Вообще.

Никак.

Кой черт принес его на эти галеры?

Впрочем, долго изощряться у меня возможности не было. Дверь распахнулась.

Мне очень захотелось провалиться сквозь землю или хотя бы надеть паранджу, обзавестись флюсом... да хоть лишаями покрыться, лишь бы меня никто не узнал.

Ага, как же!

Магия земли к таким изыскам не способна. Так что я выпрямилась и улыбнулась, решив, что крейсер «Варяг» – отличный образец для подражания. Помирать буду, но не сдамся!

И верно, в гостиную быстрым шагом вошел мой несостоявшийся супруг.

Выглядел он не лучшим образом. Явно эти месяцы были для него тяжелыми: похудел, осунулся, но глазки были такими же хищными. И общее впечатление...

Вот как хотите!

Может, еще наложилось то, что я о нем узнала. Но ощущение у меня было – в дом заползла ядовитая гадина. И не благородная змея, а гнусная сколопендра.¹ Которую даже прибить противно.

Демидов великосветски склонился над ручкой хозяйки и медленно двинулся по гостиной, приветствуя всех окружающих. Я замерла.

Узнает?

Не узнает?

Вот он ближе... и ближе...

– Маша? – Арина коснулась моей руки.

Я сжала ее ладонь.

– Ничему не удивляйся, сестренка.

– Я не понимаю...

Но объяснять уже было некогда. Демидов меня увидел.

Ей-ей, будь я мультимпликатором или хотя бы художником, я бы миллиарды огребла за этот портрет.

Недоумение.

Неверие.

Полное ошаление.

И – торжество?

Ну... это мы еще посмотрим и поборемся.

Шаг, второй...

– Княжна?

Я мило улыбнулась.

– Простите, господин?

– Ваша светлость, я нашел вас!

Я сделала большие глаза. Надеюсь, искренне удивленные.

– Милостивый государь, вы принимаете меня за кого-то другого.

¹ Автор ни в коем случае не желает оскорбить чувства энтомологов, но ИМХО – не самые приятные существа мира эти сколопендры. Особенно крымские кольчатые. (Прим. авт.)

Ага, как же. Водянистые глаза аж цветом налились.

– Княжна Мария, вы считаете, что я не узнаю свою невесту?

– Ваше благородие, – в моем голосе отчетливо прозвучала тревога, – смею вас заверить, что я не могу быть вашей невестой.

– Маша...

Арина выбрала очень удачное время, чтобы вмешаться. Нил, который до того был у нее на руках, проснулся и захныкал. Я ловко перехватила малыша.

– Иди ко мне, солнышко... тсс, мама рядом.

О чем я молилась, так это чтобы Нил не вздумал грохнуть мерзавца на глазах у всех. Это потом не скроешь, не спрячешь, да и заклинание «обливиэйт» здесь недоступно. Нет здесь Гарри Поттера. А если и есть что-то подобное, не с моими талантами его исполнять.

Хоть бы малыш не счел этого гада опасным...

Но нет.

Мальчик прижался ко мне поплотнее и снова засопел. Вот так, хорошо, ты мое солнышко...

Демидов тряхнул головой.

Ну да, он мог ожидать многого, но не ребенка. По срокам у меня не проходило. Но дураком Сергей Владимирович не был.

– Княжна, вам все равно, что ваш отец сходит с ума от беспокойства, что я волновался...

– Ваше благородие, будь я княжной, безусловно, я бы об этом думала. Но боюсь, вы ошибаетесь. Не знаю ту особу, на которую я похожа, но вы можете навести обо мне справки. Я всего лишь Мария Петровна Синютина. Обычная мещанка.

Демидов затряс головой, но...

– В самом деле, Сергей Владимирович, – кажется, Храмов получит в моих глазах плюс сто к благодарности, – Мария Петровна родилась в Березовском. Как видите, у нее есть друзья, родные, знакомые...

Демидов явственно заколебался. И верно, как ему было соотнести княжну Марию, в роскошных одеждах, и явную мещанку? Да еще с ребенком?

– Но я...

Я мило улыбнулась, как бы давая понять, что все возможно. Но – не это! Генерал-губернатор покачал головой.

– Пойдемте выпьем, Сергей Владимирович.

– Я был уверен...

Я понимала, что Демидов так легко не сдастся. Не говоря уж о том, что меня проверят со всех сторон. Вот этим вечером наверняка и начнут. Но... я тоже сдаваться не собиралась.

Выбора у меня нет, только принимать бой. Но вступать в него в одиночку? Нет уж, увольте.

Но мне и не пришлось. Ко мне скользнул лакей и шепнул, чтобы я не уходила. А потихоньку перебралась в голубую гостиную. Со мной желают поговорить.

Кто?

Баронесса, для начала.

Что ж, отказывать я смысла не видела. Поговорим.

Для начала – с Ариной. Вряд ли девчонка удержится.

* * *

Перебраться в голубую гостиную, названную так за преобладающий цвет обивки что стен, что мебели, мне удалось примерно через час. Общество гудело и желало знать подробности. Но что я могла сказать?

Да ничего!

Только порадоваться, что фотография здесь не особо развита и портреты в газетах не печатают. А тех, кто знает в лицо Марию Горскую, в зале – один Демидов.

В гостиной я упала в кресло и прикрыла глаза. Благо никого рядом не было.

– Маша?

Арина присела рядом с креслом, прямо на пол.

– Да, сестричка, – погладила я русые пряди.

– А он... он правду сказал?

Я подняла брови.

– Арина Петровна, вы меня удивляете. Я – Мария Петровна Синютина, или у вас есть сомнения?

Сомнения действительно были. Но девчонка меня искренне удивила. Минуту она размышляла, а потом вздернула нос.

– В том, что ты моя сестра? Нет!

– А в чем тогда?

– Я думала, аристократы... они другие.

Я рассмеялась от всей души.

– Ариша, меня устраивает быть твоей сестрой. А невестой этого... Демидова... не устраивает.

– Он старый! – выпалила девчонка. – И гадкий!

– Гадкий. Лучше и не скажешь.

В дверях гостиной стоял генерал-губернатор Храмов собственной персоной.

* * *

Я тут же поднялась с кресла и даже поклонилась.

– Сергей Никодимович...

– Мария Петровна, присядьте. Нам надо поговорить.

Я чуть поклонилась, демонстрируя, что надо, и снова опустилась в кресло. Храмов перевел взгляд на Арину.

– Арина Петровна, будьте любезны, подождите в соседней комнате. Мне хотелось бы побеседовать с вашей сестрой наедине.

Аристократия.

Как известно, дворянин разговаривает с кухаркой как с ровней. А быдло будет и с императрицей разговаривать как с кухаркой. Так когда-то говорила моя мама.

Вторая разновидность, увы, встречалась чаще.

А девчонка меня удивила. Выпрямилась струной...

– Вы не обидите мою сестру? Ваше высокопревосходительство?

Храмов чуть улыбнулся. Мне в этот момент Арина сильно напомнила отважного боевого вора.

– Я не хочу и не собираюсь обижать Марию Петровну.

– Она моя сестра! Правда! Что бы ни врал этот... склизкий!

– Ариша, – я погрозила пальцем. – Это – Демидов.

– А ты – моя сестра! И я тебя в обиду не дам! – Арина топнула ногой.

Я понимала, что нас никто не спросит. Но в носу внезапно зачесалось. И в глазах как-то защипало...

Не ждала.

Такого я не ждала ни от кого, а поди ж ты!

– Даю честное слово, Арина Петровна, я не враг вам и вашей сестре.

Ну да, там такая разница в весовых категориях. Слоны на муравьев не охотятся, факт. Арина смотрела пристально и недоверчиво, но потом поняла, что более весомых гарантий не получит.

– Я верю вашему слову.

Дверь глухо стукнула, закрываясь за Ариной.

– Мария Петровна. Или – Мария Ивановна?

Я вздохнула.

– Сергей Никодимович, что вы хотите услышать?

– Правду, Мария. Правду...

– Есть правда светлая, есть правда темная, есть на мгновение и на времена, – задумчиво пропела я. – Правда, да не истина.²

– И где же правда, а где истина?

Храмов был спокоен.

– Ваше высокопревосходительство, – вздохнула я. – Как я могу быть уверена, что все сказанное мной останется между нами двумя?

– Мое слово.

– И нас не подслушивают?

Храмов улыбнулся.

– У нашей хозяйки много достоинств. В том числе и уважение к чужим секретам.

Почему мне в это плохо верилось? Чтобы уважать секреты, надо их знать – это как минимум.

– Я с радостью побеседую с вами, но в другом месте, – решила я. – Уж простите, ваше высокопревосходительство.

Храмов вздохнул. Но как-то не слишком трагично.

– Мария Петровна, я могу пригласить вас в гости? Разумеется, ненадолго?

– Сочту за честь, ваше высокопревосходительство.

И опять какая-то искра проскользнула в серых глазах. Кажется мне – или Храмов доволен?

* * *

Беседа состоялась в доме генерал-губернатора. В его личном кабинете.

Арина была оставлена в гостиной, вместе с пирожными и чаем, а мы проследовали в кабинет.

– Итак... Мария...

– Ивановна, – вздохнула я. – Демидов не обманулся, ваше высокопревосходительство.

– Все же княжна Горская?

За время поездки у меня была возможность обдумать свои действия. И... получалось так, что выбора-то и нет. Ну и ладно, мне есть чем торговаться.

– Да, ваше...

– Сергей Никодимович. Раз уж так...

– Что ж, Сергей Никодимович, я действительно княжна Горская.

– А...

– Мария Синютина погибла. Не по моей воле, но на моих глазах. Помочь я ей ничем не могла, а потому пообещала выполнить ее просьбу.

– Вот даже как?

– Мария просила позаботиться о ее родных. Я это сделала.

² Песня из к/ф «Не покидай», слова Л. Дербенева. (Прим. авт.)

– Хм... – Храмов понимал, что с этим сложно поспорить. – Иначе это никак нельзя было сделать?

– К сожалению. Но я искренне полюбила ребят. Они стали мне родными, и я не считаю, что обещание меня тяготит.

– А ваш ребенок?

– Он действительно найденщи, – безмятежно отозвалась я. – Могу поклясться на сфере истины...

– Которая, кстати говоря, не действует на магов.

– Что?

Я почувствовала себя душой. А с другой стороны... где бы я о таком узнала? Объявлять-то в газете не давали!

Храмов улыбнулся иронически и чуточку лукаво.

– Вы не знали?

– Я раньше не сталкивалась с этой областью жизни, – попробовала отговориться я. – Расскажите? В двух словах, пожалуйста?

– Если у человека есть магические способности – проявленные, не латентные, сфера истины не будет на него действовать. Она показывает, верит ли человек в свои слова, а маг всегда может в них поверить.

Полиграф не сработал.

Хотя и в оставленном мной мире он тоже работал достаточно выборочно. Обмануть его было реально, мне даже рассказывали, как именно это можно сделать.

Значит, и здесь есть такое.

– Но вы показывали... вы – не маг?

– К сожалению.

Я опустила глаза.

– Простите, если задела ваши чувства, Сергей Никодимович.

– За столько лет я свyksя.

И все же грустил. Я видела это в его глазах.

Нельзя сказать, что обычные люди здесь неполноценны. Но знать, что есть вершина, которую ты никогда не покоришь, – обидно.

– Все равно – простите.

– Что ж. Если я правильно помню, княжна Горская – маг земли?

– Абсолютно верно.

– Тогда понятны и ваши успехи.

Я развела руками.

– Хотите верьте, хотите – не верьте, но магии там ровно половина.

– Допустим. Мария... Ивановна, а чего вы добивались?

Я хмыкнула.

– Понимаете, Сергей Никодимович, накануне свадьбы я узнала, что мой жених проклят.

И не солгала. Разве не так?

– Проклят?

– Ну да.

Кстати, проклятие и сейчас осталось. Во всяком случае, маноисточник у меня пульсировал рядом с Демидовым, как и в прошлый раз. Нита могла умереть, а вот ее слова – живы. Но так часто случается...

– Хм...

Я коротко изложила свои выводы о проклятии. Те же, что обсуждала и с отцом... то есть с князем Горским. Храмов задумался.

– Возможно, вполне возможно. И тогда об этом должен знать император... вот в чем дело!

– Сергей Никодимович?

– Вы не задумывались, почему Демидов – простой дворянин?

– Я не так много о нем думала. Но с его деньгами он мог купить любой титул, разве нет?

– Нет. Если на человеке лежит проклятие, для него есть определенные ограничения.

Угу. Ну, это как у нас, никто не назначит на высокую должность сифилитика, к примеру.

Или прокаженного.

Храмов улыбнулся в седые усы.

– Я не знал о проклятии, но согласен. Если Демидов проклят, это многое объясняет.

Итак, вы узнали – и?

– Поговорила с отцом.

– Не помогло, верно?

– Вы читаете мои мысли, Сергей Никодимович, – ответила я иронией на иронию. – За нелюбимую дочь слишком много давали, чтобы отца беспокоила ее дальнейшая судьба. А мне не хотелось, чтобы на моих детях лежало проклятье. И хоронить их тоже не хотелось.

Это Храмов мог понять. И глаза его стали серьезными.

– Что ж, вы сбежали.

– В дороге я встретилась с Марией Синютиной. Я ехала в поезде, который пытались ограбить... Помните? Весной?

Храмов кивнул.

– Да.

– Мария Синютина погибла на моих глазах. Мы ехали в одном купе, когда поезд сошел с рельсов, ее просто пришили к стене обломком оконной рамы. Она умерла... но не сразу.

– И вы заняли ее место.

– Я стала заботиться о ее братьях, сестре, матери. Кстати говоря, я даже деньги свои тратила, не ее. Из наследства Марии Синютиной я и копейки медной не взяла, я собиралась отдать его в приданое ее братьям и сестре.

– Не сомневаюсь. А что вы хотели делать дальше?

Я развела руками.

– Жить, Сергей Никодимович. Жить, а не служить лекарством от чужой глупости, знаете ли.

– Могу вас понять. Но почему именно Березовский?

– Это был первый поезд, подходящий по времени.

– Так просто... судьба?

– Кismet, – согласилась я, вспоминая турок.

Храмов задумался.

– Вы понимаете, что надолго Демидов вас в покое не оставит? Наведет справки, и...

– А тут я уже надеюсь на вас, ваше высокопревосходительство.

– Да?

– Вам фамилия Бецкой о чем-то говорит?

Все лукавство с лица Храмова словно тряпкой стерли.

– Рассказывайте, Мария Ивановна.

Мне что? Я принялась за рассказ.

Храмов слушал, постукивал пальцами по столу, потом вообще налил себе коньяка. А мне не предложил... не очень-то и хотелось, но ведь мог бы? Жмот!

– Вот даже как...

Я развела руками. Мол, за что купила, за то и продаю.

– Мария Ивановна, а если я вам предложу свое гостеприимство?

Настала моя очередь поднимать брови.

– Вы – единственный свидетель. Но моей власти не хватит арестовать Демидова...

Я хмыкнула.

– Мало стоит это свидетельство. Доказательств-то никаких...

– Я рад, что вы все понимаете. Но мне бы и свидетеля лишаться не хотелось.

– К тому же Демидов... он проклят. А что до магии... на него сфера истины подействует?

– Не уверен.

– Дворян не пытаются.

– В некоторых случаях, но тут... да, Мария Ивановна. Слово против слова.

Я вздохнула.

– Я понимаю это. И могу задержаться у вас в гостях, но при одном условии.

– Каком же?

– Мои родные.

– Ваш отец?

– Тьфу! Да нет, конечно! Синютины!

Храмов прищурился.

– Вы считаете их – родственниками?

– Да, считаю.

И я не лгала. Вот князя Горского я родным не считала. А Ваню, Петю, да даже маман, хоть она и дебилка, но жаль ведь! Пришибут же!

– Я прикажу доставить их в мой дом.

– Сегодня?

– Сейчас. И отвести вам комнаты. Думаю, мы поговорим завтра. Когда я наведу справки...

И подумаю, что с вами делать. Это мне было понятно.

– Я хотела стать полезной.

– И занялись фермерством?

– Вы недооцениваете это дело, – махнула я рукой. – Кушать надо всегда, хоть в войну, хоть в мирное время. И семенной фонд – важная и нужная вещь.

Храмов потер лоб.

– Давайте мы завтра об этом поговорим, Мария Ивановна? Озадачили вы меня...

Да и у меня виски ломило. Увы...

– Согласна.

Храмов коснулся колокольчика, вызывая слуг.

* * *

Спустя два часа я лежала на роскошной кровати. Нил сопел рядом. Арину устроили по соседству, и я знала, что где-то в особняке сейчас пытаются уснуть Ваня, Петя и даже маман.

Да, с ними мне предстоит еще нелегкий разговор. Но...

Я верила, что все наладится, так или иначе. Я постараюсь.

И знала, что сейчас не спят ни Храмов, ни Демидов, ни, надо полагать, полиция Березовского. Но...

У меня есть знания.

У меня есть дело.

Хватит ли этого, чтобы купить свободу?

Если только от Демидова. Но не от отца... это плохо. М-да... что же будет с ребятами, если я уеду?

Ничего хорошего.

Маман опять начнет гулять-блудить, это человек такой. Гулящий, иначе и не скажешь. Нет для нее жизни, если по чужим дворам не шляться. Ваня мальчишка замечательный, но

пока еще не первый. Второй, помощник, заместитель, но не лидер. Ведомый, не ведущий. Мать его подомнет, и ничего он сделать толком не сможет. Ни приструнить, ни удержать вожжи.

Арина? Я поломаю ей жизнь. Я сделала худшее, что могла, я дала Синютиным надежду. Они поняли, что может быть иначе, не так, как в их убогой хибаре, они потянулись за мной. Если я сейчас уйду – Арина точно найдет себе Венечку или Женечку, одним словом – хомут на шею. Потом раскается, но то потом.

Петя? Вариантов много, но в жизни всегда реализуется худший. Если мальчишка не отобьется от рук и не пойдет по кривой дорожке, я буду очень удивлена.

А Нила могут просто сдать в приют.

Хочу ли я этого?

Нет.

Могу ли я это не допустить?

Как повезет. Как – повезет. А везение есть совокупность знания и вовремя пойманного момента для его применения. Так что – вперед.

Я перестройку пережила, гласность и демократию. Должна и тут справиться. Обязана.

А для этого надо выспаться.

Я подгрребла поближе подушку, протянула Нилу палец, в который змееныш тут же вцепился мертвой хваткой, накрылась одеялом и уснула. Удачу лучше призывать выспавшейся и никак иначе. А то проспишь все царствие небесное, как говорила бабушка.

Спать!

* * *

С Храмовым мы за завтраком не встретились. Только с родственниками.

– Маша! Что происходит? Объясни немедленно!

Маман, как всегда, в своем репертуаре.

– Маша, все в порядке? – это Ваня.

Петя вообще промолчал, просто кинулся ко мне и вцепился как клещ. Не отдерешь. Я погладила его по голове.

– У нас неприятная ситуация.

– Какая же?

– Сергей Владимирович Демидов вчера, на приеме у баронессы, принял меня за свою невесту.

Немая сцена.

Открытые рты, выпученные глаза... первой мамаша опомнилась.

– Так тебе сделали предложение?!

Я засмеялась.

– Меня просто приняли за его невесту. Видимо, мы похожи.

Маман увяла на глазах.

– А она – кто?

– Княжна Горская. Мария Ивановна, – отчиталась я.

Маман фыркнула.

– Глупости! Маша, а он хочет на тебе жениться?

– Мама, глупости вы говорите! – Арина выступила резко и жестко. И когда только в комнате появилась? – Демидов – злой и гадкий человек.

– Это же ДЕМИДОВ!

Маман произнесла это так, что стало ясно – за копейку продаст. Одной фамилии хватило, чтобы у нее напрочь отключилось критическое восприятие. Не только продаст – еще по башке

даст, свяжет, в мешок сунет и сама к Демидову отправит. Ибо не понимаю я своего (а главное – ее) счастья.

– До прояснения ситуации генерал-губернатор Храмов предложил нам быть его гостями, – резко сказала я. – Надеюсь на ваше благоразумие.

Не надеялась. Но наверняка Храмов приставил охрану. И у нее есть и благоразумие, и оружие, что ничуть не хуже в некоторых обстоятельствах...

– Разумеется, – заверила меня маман. Верилось отвратительно. Вообще не верилось.

– Петя, к тебе это особенно относится. Никуда из особняка не выходить, ни с кем из посторонних ни о чем не говорить, понял?

– Да.

– Если что – тут же ко мне.

– Маша, а как же куры?

– Я о них подумаю. Напишу записку Елпифидору Семеновичу, – решила я. – Думаю, найти кого-то приглядеть на пару дней – дело несложное.

Петя кивнул.

– А лощина? – поинтересовался Ваня.

– Я считаю, что наше дело решится достаточно быстро. А дальше... будем думать по ситуации, – честно ответила я.

Переписала бы я лощину на Ваню, но – не справится парень. Без меня не справится. А работы по селекции – это не на год, не на два, это на века. Это то, чем можно до конца жизни заниматься.

И кстати – то, что будет цениться при любых властях и при любой погоде. Ибо кушают – все. Привычка у людей такая – кушать три раза в день, знаете ли. А хлебушек сам не прибежит, его растить надо, ухаживать...

Ваня пока не справится. А если меня заберут...

Ёжь твою рожь!

И иначе тут не скажешь. Но выхода я пока не видела.

* * *

Храмов появился ближе к обеду.

Маман сидела у себя в комнате. Принимала ванну, приводила себя в порядок. Арина, Ваня и Петя были мной озадачены в буквальном смысле. Задачками из курса арифметики за третий класс. Мой. Пусть решают, авось ума наберутся. Решают, читают, пишут... нет времени – работай, есть время – учись.

Я в свое удовольствие играла с Нилом. Малыш уже вполне уверенно держал головку, пробовал переворачиваться, тянул ко мне ручки, цеплялся за пальцы, и мне кажется, в ближайшее время он вообще сядет.

Или поползет сначала? Змеи, они такие...

Знать бы еще в подробностях, как эти малявки развиваются по месяцам, но где ж тут возьмешь учебник по педиатрии? Хоть ты сама пиши...

– Мария... Петровна?

Я встала с ковра, на котором мы играли, и вежливо поклонилась.

– Ваше высокопревосходительство.

– Прошу вас пройти в библиотеку.

Я кивнула и последовала за генерал-губернатором. Там он словно маску сбросил. Уселся в кресло, откинул голову на спинку, расслабился. И стало видно, что он стар.

Сколько же ему? Лет шестьдесят? Больше?

Он стар и устал. И я еще хлопот добавила.

– Налейте мне коньяка, Мария Ивановна. Прошу вас...

Я достала снифтер, плеснула напиток на дно и протянула Храмову.

– Вам не предлагаю, магам нельзя.

Об этом я тоже не знала. Храмов усмехнулся.

– Да, Мария Ивановна. Магические способности в случае опьянения идут вразнос. Вы и об этом не знали?

– А женщин учат пользоваться своей магией? Лекции нам читают, объясняют все, не так ли, ваше высокопревосходительство?

– К чему же так сурово? – Пара глотков коньяка сотворила чудеса, заставив Храмова помолодеть лет на десять. – Вы знаете, что магия и беременность...

– Знаю. Но считаю, что всегда можно заняться этим вопросом подробнее.

– Вот даже как?

– В любом случае меня это не касается. Я маг земли, и мое основное качество – плодородие.

– То-то вы урожай сам-десять сняли.

– Мало. Можно бы и больше.

Храмов пожал плечами.

– Мария Ивановна, а как вы оцениваете свои перспективы?

Я решила не крутить хвостом. Что-то мне подсказывало, что разговор не просто так затеян. А потому...

– Плохо. Демидов уже сообщил моему отцу?

– Он всю ночь наводил справки. Думаю, через пару дней сообщит.

Я скривилась.

Чего уж там...

– Отец явится сюда. И... меня тут не оставит. На ЕГО условиях.

– Вам это не нравится.

Храмов не спрашивал, утверждал. И я медленно опустила веки.

Не нравится? Да это еще мягко сказано! Лучше б я три раза оплешивела, это хоть лечится. А вот что делать с навязанным мне супругом?

Не хочу!

Замуж не хочу, под папашу подстраиваться не хочу, из Березовского уезжать не хочу... да черти б всех побрали, я себя человеком ощутила! Нужным, важным... и у меня всё отбирают! Я свою жизнь начала строить – и здрасьте!

А в столице еще и Милонег.

Что там с ним стало, черт его знает, но подозреваю, что меня так просто с крючка не отпустят. Уж больно вкусный кусочек...

И теракт, и...

Ёжь твою рожь! Кто-то желает это оспорить?

Храмов медленно кивнул.

– Я правильно понимаю, что вам это не нравится?

– Правильно, – кивнула я.

Оставим в стороне все возмущение по поводу продажи родной дочери. Сейчас это норма. Но хоть бы торговал с приличными людьми!

– И на что вы готовы, чтобы не возвращаться к отцу?

Хм?

Мне кажется, или это прощупывание почвы?

– На многое, но не на все, – отрезала я. – Сергей Никодимович, если вы хотите мне что-то предложить, я выслушаю. И обещаю обдумать ваши предложения.

– Не любите терять время?

– Ненавижу.

– Это хорошо, у меня его тоже мало осталось.

Я подняла брови, глядя на Храмова.

– Лет двадцать в худшем случае?

– Год. В лучшем. Я умираю, Мария Ивановна.

– Вы не выглядите умирающим.

– Верно. У меня опухоль, и удалить ее нет возможности. Легкое, место такое... Я воевал, был ранен, видимо, тогда меня плохо вылечили, вот сейчас и проявилось. Врачи обрадовали. У меня примерно год активной жизни, потом начнутся боли. Может, меньше года... уходить придется на обезболивающих. Или обращусь в церковь, попрошу Последнее Причастие.

Я кивнула.

Вот что мне нравилось в их вере... она не была полностью канонической. И эвтаназию допускала.

Я могла это понять. Одно дело, когда человек думает, что у него все плохо, но на нем еще целину вспахать можно. И совсем другое, когда ему все равно умирать. В этом случае он мог получить полное отпущение грехов в храме и последнюю милость – чашу с ядом. Убивающим быстро и качественно. Человек засыпал и не просыпался более.

Самоубийство?

Нет. Просто свободный выбор и свободная воля каждого. Мы не выбираем, где и как нам родиться, но у нас есть возможность выбрать свою смерть. Это так...

Грех?

Самоубийство против Божьей воли? А Он вам лично свою волю сообщал или как? Есть, есть ситуации, в которых это не грех, а благо. Или преимущество.

Я бы так и поступила, это точно. Храмов...

– Я не могу вас вылечить. И мне жаль.

– А если бы могли мне помочь?

– Смотря в чем.

Храмов усмехнулся.

– Осторожна. Мне это нравится. Я навел справки, княжна. Вы действительно заботитесь о своих братьях и сестре. Вы их любите.

Я пожала плечами, не видя в этом ничего странного.

– И сына вы любите. Хоть он и приемный.

И что?

– Я хочу, княжна, предложить вам сделку. Хотите стать моей женой?

* * *

Каких усилий мне стоило промолчать!

Проглотить ехидные комментарии, прикусить язычок и подумать головой.

Вообще, в раскладах, это было бы идеально, это такой супруг, к которому не будет претензий даже у князя Горского. Разве что...

– Храмов... род Храмовых мне знаком.

Знаком, конечно. Входит в один из юртов, кстати говоря. Не в тот, в который входит Горские, но это и к лучшему. Я же это изучала, прикидывала расклады. Надо знать, куда меня занесло.

– Мой старший брат носит графский титул. Думаю, вы об этом знаете.

Знаю. Подробно не знаю всей ситуации, но это тоже неплохо. Сам Храмов титул не наследовал, но дворянство потомственное, надо полагать, и определенная сумма денег.

С другой стороны...

Ложиться с ним в постель?

Неохота.

Все я понимаю, но не смогу. Просто стошнит... Стиснуть зубы и перетерпеть? Да у каждой женщины найдется такой мужчина. Которого НЕЛЬЗЯ, ни при каких условиях нельзя стерпеть в постели. Разве нет? И продаваться противно.

Но мне предлагают сделку... какую?

Что с меня, что с него?

Вот это я и озвучила.

– Ваше высокопревосходительство, хотелось бы точно знать, что я должна отдать и что получить взамен.

Храмов, все это время наблюдавший за мной, довольно кивнул.

– Давайте начнем со второго пункта.

Я опустила ресницы.

– Итак, вы выходите за меня замуж. Получаете через год свободу и мое наследство. Смею вас заверить, Мария Ивановна, это достаточно крупная сумма, еще и внукам хватит. Титул предложить не могу, к сожалению, но у вас будет то, что вы цените больше. Независимость.

Тем более что дворянкой я и так останусь.

Мезальянс, конечно, но и черт с ним. Титул княгини мне и так не светил. Даже не поблескивал.

Зато Марией Ивановной Храмовой уже не сможет распоряжаться князь Горский. И я буду достаточно защищена. Положение в обществе, деньги, связи, я надеюсь...

– Что я должна сделать взамен?

– Родить мне сына, – просто сказал Храмов. И поднял руку, останавливая меня. – Не отказывайтесь, Мария Ивановна. Ребенок будет не от меня.

И кто бы смог промолчать в этой ситуации?

– Не от вас?

– После заключения брака мы едем в столицу. Вы – маг земли, думаю, вы сможете сделать так, чтобы понести с первой встречи?

Я задумалась.

– Не знаю. Надо почитать. Но...

– Полная анонимность. Вы не узнаете, кто будет отцом ребенка. Но это будет маг и дворянин. Если нужны амулеты, я их обеспечу, есть и такие.

– Хм...

– Одна ночь...

Я покачала головой.

– Вы требуете от меня не одну ночь, а минимум двадцать лет. Пока ребенок вырастет, пока... а если это будет девочка?

– На этот случай мы и едем в столицу. Я упаду в ноги государю, буду просить права наследования равно для мальчика и для девочки... к тому времени, как родится малыш, я могу и не успеть.

Я задумалась.

Чисто гипотетически подобрать удачный день для залета может каждая женщина. А я еще и маг... да, я могу залететь с первого раза.

Если партнер будет магом и аристократом, это замечательно. Если будет полная анонимность – тоже неплохо.

Но...

– Кто помешает тому же Демидову после вашей смерти?

– Я позабочусь об этом.

– Как будет выглядеть ваша забота? – въедливо уточнила я. Как-никак речь идет о моей жизни.

– Я найду вам защитника.

– Ваших родных? Семью? – попробовала угадать я.

Не угадала.

– Мои родственники – это отдельная песня, – скрежетнул зубами Храмов.

Я прищурилась.

– Судя по всему, у вас не идеальные отношения с родственниками, Сергей Никодимович?

– Это не столь важно...

Я покачала головой.

– Я не стану играть вслепую. Рассказывайте все.

То, что информацию легко можно проверить, я подчеркивать не стала. Храмов кивнул и заговорил.

Юрты.

Не все определяется личной силой мага, но многое. В частности, Сережа Храмов оказался в своей семье на самой низкой ступени именно потому, что брат и сестра были одаренными. Брат – с активными способностями, сестра с латентными. Конечно, сестра представляла ценность для брака.

Брат же...

Старший, первенец, любимец, все то, чем не был Сережа. Красавец, пользующийся успехом у дам, надежда родителей, блестящий ученик, выбравший себе придворную карьеру. Правда, дорос Гриша Храмов только до статского советника. Сережа в пикку всем выбрал себе военную карьеру, женился, рос в чинах и званиях не благодаря родным, а сам по себе... не любили его в семье.

Пока его сын не родился магом.

Вот такая циничная шутка судьбы.

Его ребенок оказался магом, а сын Григория Храмова – вообще без способностей. Разразился скандал. Сергей хлопнул дверью...

В то время он служил на Кавказе... содержать жену и сына в столице на свое жалование еще не мог, не так много он зарабатывал. Но крутились как могли.

Пока...

Храмов был свято уверен, что в гибели его семьи виноваты его родные. Как они подстроили несчастный случай? Как вызвали к себе Лизавету, что наплели, что сказали? Знать бы! Но все концы были надежно спрятаны в огонь – для разнообразия.

Несчастный случай.

Погибли все пассажиры дилижанса. В том числе и молодая Лизавета Храмова с сыном Витей. Если бы они не поехали! Если бы...

Сергей запил. Потом пытался сложить голову на войне. Потом опять пытался... чаша с ядом – для безнадежно больных. А как быть тем, кто здоров, а жить не хочет?

Хорошо хоть – военный.

Лез и лез Сергей во все дыры, дорос до генерала, а Смерть посмотрела, да и плюнула. Мол, перебежешь. Живи, понял?

И жил. Зачем, для чего...

Пока с полгода тому назад не узнал о своей болезни.

Я подумала пару минут.

– Ваши родные не будут мне рады.

– Да.

– Мне это безразлично. Но вы втягиваете меня в ваши игры. Неужели мне мало своих?

– Мария Ивановна, вы девушка весьма неглупая. Давайте поговорим серьезно. Когда вы появились в городе, вами никто не заинтересовался. Но когда вы начали вашу деятельность... неужели вы считаете, что кто-то был введен в заблуждение – надолго? То, как вы ходите, разговариваете, держите себя... все быстро поняли, что вы благородной крови.

– Хм...

– Вы никого не боитесь, не заискиваете, не проявляете ухваток, свойственных людям подлого сословия.

Не проявляю.

Потому что родилась в стране, в которой все были равны. И окажись я на приеме у английской королевы, стесняться бы не стала. Поздоровалась бы как минимум, поговорила и себя ущемленной не чувствовала бы. Она человек, я человек... да, мы из разных миров, но это же не значит, что я – таракан? Или что я позволю к себе так относиться?

Уважай себя, и тебя будут уважать другие люди. При условии, что есть за что.

– Хорошо. Допустим. Мещанка из меня и впрямь плохая.

– Отвратительная.

Я развела руками. Мол, я старалась...

– Я предлагаю вам сейчас – свою защиту. Потом – защиту его императорского величества. Я смогу это сделать. У меня есть деньги, есть земля... купил неподалеку. неплодородная, но вы ведь маг земли. Да и в приданое пойдет...

Я потеряла виски.

– Я хочу видеть договор. Прежде, чем согласиться или отказаться.

Храмов кивнул.

– Справедливо. Но предварительно?

– Я... готова рассмотреть ваше предложение.

* * *

Я лежала на кровати.

Нил спал рядом. Да, дети до года в основном спят. Еще они едят и гадят. Эдакие личинки человека... Но если у ребенка ничего не болит, он молча и спокойно спит. И побольше, побольше...

Что ж.

Предложение неплохое. Я получаю свою выгоду, Храмов – свою. Он получает наследника и, я так полагаю, еще раз утирает нос своим родственникам. Сын или дочь – маг, жена – княжна, перспективы самые блестящие.

А что я помню про Храмовых?

Да ничего. Пришлось отправляться в библиотеку за «Альманахом». Эдаким сборником светских сплетен... Вот когда начинаешь горевать об отсутствии интернета. Ввел два слова – и тебе сто тысяч ссылок выложили. Это ли не счастье? Только выбирай!

Увы...

И листать приходится самой, и искать, и копать...

Ничего, кое-как я справилась с задачей. В библиотеках я тоже информацию искала, бывало дело. Еще в те времена, когда интернета и в помине не было. И умела работать с книгами и газетами.

Храмовы.

Старый граф Храмов умер, его наследник Григорий Храмов. Про мать ничего не сказано, видимо тоже померши. Супруга Григория – Милада. Дети – Илья и Ольга, оба неодаренные. Даже латентных способностей нет.

Сестра – Ирина, в девичестве Храмова, в замужестве Оленина-Земская. Двое детей, сын неодаренный, вообще, дочь с латентными, как и у матери, способностями. Алексей и София.

Это – на поверхности, а что в глубине?

Оленины-Земские входят в юрт Алябьевых. С ними заключал союз и мой отец.

Храмовы входят в юрт Матвеевых. Достаточно знатный и серьезный. Кстати, Анастасию Матвееву хотели предложить как невесту для цесаревича.

Отказался, гад.

Умный...

Чисто теоретически, выйдя замуж за Храмова, я окажусь в юрте Матвеевых. Хорошо это или плохо?

Ну... юрт достаточно сильный. Но друг моего друга может стать моим другом. Если Демидов... кстати, а ведь мой бывший жених ни в один юрт не входит. Не приняли. Еще одно косвенное свидетельство в пользу проклятия.

Не захочет ли Матвей Матвеев, старый глава юрта, пристроить меня за Демидова, поимев что-то и для себя? И вообще...

Стоит ли думать о Демидове?

Глядишь, и прикончат его раньше, чем он до меня доберется? Простите, не вульгарно пришибут, а привлекут за некромантию. Хотя это – вряд ли. Недоказуемо.

Дверь скрипнула. На пороге библиотеки возникли трое Синютиных. Ваня посмотрел большими глазами.

– Маша, нам надо поговорить.

– Слушаю, – кивнула я.

* * *

Ребята разговор начинать не торопились. Мялись и жались, пока я не взяла дело в свои руки и не поинтересовалась прямым текстом:

– Чего стесняемся? У меня рога выросли? Или копыта?

Самым решительным оказался Петя.

– Маша, ты нас не бросишь?

Мне осталось только глаза закатить.

– Петя, ты взрослый человек, а такую чушь несешь. Как это я вас брошу? Вы же моя родня!

– А Горские? – уточнил Ваня. И вздохнул вовсе уж печально. – Я понимал, что ты... другая. Но так хотелось верить...

Я махнула рукой.

– Ваня, успокойся. Верь во что хочешь, а правда проста. Я – ваша старшая сестра. И все планы я буду строить с учетом того, что вы у меня есть. Пока я планирую остаться в Березовском как можно дольше. А если и отправлюсь в Москву... поедете со мной.

Ребята переглянулись.

– С тобой?

– Маман не возьму, – поспешила обломать я Арине остатки надежд. – Уж прости, но...

– Не прощу. И Никешку – тоже! – рывкнула девчонка. – Она меня продала! Предала и продала!

Логично.

– Она просто не поняла, – попробовал вступить Ваня. – Ну... вот такой она человек.

– Это оправдание? – прищурилась я. – Знаешь, Христу одинаково больно было. Вбивали ему гвозди из ненависти или по работе, а все равно неприятно...

– Мама просто не поняла, чем это чревато. Она... не самый умный человек.

Я фыркнула.

– Вань, стоял часовой. Охранял... пусть лагерь. Подходит к нему девушка и предлагает прогуляться в кустики. Он соглашается. А в кустиках ему по башке дали, оружие отняли, на лагерь напали, людей поубивали... Находят потом часового. Что ему светит?

– Трибунал, – уверенно ответил Ваня.

– Так ведь он не со зла, просто дурак.

– Но люди же погибли! Трибунал, конечно...

– Вот ты сам и ответил. Что, с человека нельзя спрашивать по всей строгости, потому что он, простите, дурак? У него с того индульгенция отросла?

– Чего?

Я махнула рукой.

– Короче. Дурость – не оправдание и от ответственности не избавляет. Или получай тогда официальную прописку в доме для умалишенных. Там тебе всё простят, ты ж дурак.

С этим все были согласны. И я подвела итог.

– Сергей Никодимович сделал мне предложение. Думаю, мы с ним поедem в Москву. Вы со мной. Арина – компаньонка и помощница, Петя – паж...

– Чего?

– Мальчик для разных важных поручений.

– А-а...

– Ваня – доверенный слуга. Ну и вы все трое мои родственники. Сами понимаете, напоказ я вас выставить пока не могу, но и не брошу.

– Стесняешься?

Кажется, Арина обиделась.

Я повертела пальцем у виска. Потом вспомнила, что этот жест здесь незнаком, и покачала головой. По-простому.

– Дурачки. Ну подумайте сами, до кого проще добраться? Кого проще обмануть, заболтать, причинить вред, через кого проще всего воздействовать и на меня?

Ребята чуть расслабились.

А я только сейчас поняла весь смысл фразы Экзюпери.

Мы в ответе за тех, кого приручили.

Это моя ноша на всю жизнь. И точка. И это та ноша, которая не тянет. Ну... кроме маман.

– Я потому и маман не могу взять. Она ведь все расскажет первому встручному. Понимаете?

Ребята понимали.

– А ей не будет без нас тоскливо? – засомневался Петя.

– Дом есть, деньги есть, пусть личную жизнь устраивает, – отмахнулась я. – Авось и замуж выдадим.

Я не слишком на это рассчитывала. Но... не брать же ее с собой? Пусть лучше Демидов пробует от нее хоть какой информации добиться. Хм... а ведь маман как раз счастлива будет.

Ее дочь выгодно вышла замуж. За деньги и власть...

Какая прелесть!

Тьфу!

Но я уже понимала, что соглашусь на предложение Храмова.

Интерлюдия 1

Сергей Владимирович Демидов посмотрел на помощника.

– Ну?

– Пока еще ничего не ясно, господин.

– А что уже прояснилось?

– Мария Петровна Синютина...

Краткое изложение биографии Демидов прослушал внимательно. С Горскими Синютины ничего общего не имели. Мещане и мещане, мало ли таких встречается на просторах Империи? Обычная девчонка, была, жила, потом приехала домой, купила участок земли, выращивает там урожай...

Вроде бы тоже ничего странного? Да, но часто ли у нас таким делом занимаются молоденькие девушки? Нет, подлому сословию такое не по зубам. А вот княжна Горская могла бы справиться. Косвенно в пользу версии говорило и то, что она маг земли. Чем ей еще заниматься?

Внешнее сходство. Хотя и не настолько сильное...

Демидову и в голову не приходило, что женщина в вечернем макияже с укладкой – и женщина с тяпкой на грядке это не две разных женщины. Это два разных образа. Манеры, поведение, одежда... да все! Все разное!

Добавляли неуверенности и ребенок, и манера поведения, разительно отличавшаяся от поведения княжны...

И как тут быть?

Выход лишь один. Послать кого-то в город, где Мария Синютина прожила последние пять лет. Показать портрет, расспросить, а то и привезти в Березовский, пусть скажут, одна это девушка – или уже другая?

– Что интересно, Мария Синютина купила Туманную лощину.

– И ее там никто не сожрал?

Демидов выпрямился.

Полной информацией он не обладал. Но знал, где его прадед нашел полезную любовницу. Первая часть истории, до бегства Ниты, была ему известна. Вот вторая уже нет. Не успели рассказать. Да и кто бы? Те, кто был в лощине в тот момент, все померли, где уж там разбираться? И не хотел предок Демидова соваться туда. От греха... Потому и прожил долго, и своей смертью умер, повезло. Нита бы его не пощадила.

Демидов об этом не знал. И о наличии малыша не подозревал. Но...

– А саму Марию Синютину расспросить не пытались?

– Она у Храмова.

Демидов скрипнул зубами.

Вот уж с кем у него отношения не сложились. Храмов откровенно не любил Сергея Владимировича, и, между нами, было за что. За неуплату налогов, преступления, безнаказанность... да много за что.

Демидов ответно не любил старого вояку. А где вы видели любовь между... к примеру, лисом и таксой? У них совершенно разные цели в этой жизни, один удирает, второй ловит...

Выцарапать Синютину...

– Ее родственники?

– Там же.

Хм...

Косвенно это говорило в пользу версии Демидова. Косвенно. Потому что Храмов мог и просто пожелать ему насолить. Оставалось только копать глубже.

Но если это действительно Мария Горская...

Руки Демидова сжались в кулаки.

Стерва, дрянь, гадина!!! Ты мне ответишь за все, видит Бог! Ты мне ответишь и за побег, и за унижение, за насмешки, за...

Даже за мятеж зулусов в Африке! Попомню я тебе все!

– Наводите справки, – распорядился Демидов. – Тщательно, ошибиться тут нельзя.

Порученец поклонился и поспешил выйти. Он знал, на что способен его хозяин, и вовсе не желал оказаться объектом его гнева. Лучше пусть он обрушится на кого-то другого.

К примеру – на эту мещанку. Не повезло ей...

Крупно не повезло.

Глава 2

В Москву! Разгонять тоску!

Единственное, о чем я попросила Храмова. Что должна была сделать ДО отъезда, в обязательном порядке. Все остальное можно отложить на потом, но если уж мы едем в Москву...

Алина Кальжетова.

Та самая, о которой рассказал Андрей Васильевич. И я ему обещала...

Обещала, да. А собралась только сейчас, перед отъездом. Так, может, и еще бы тянула... ладно! Действительно некогда было! Иногда я жалела, что в сутках не сорок восемь часов. Собралась бы, но зимой. А теперь вот приходится раньше идти.

Побывать на кладбище, положить медальон в могилу и взять с нее горсть земли. Принесу ее на московское кладбище, положу на могилу друга. Почему-то мне кажется, что Андрею Васильевичу это понравилось бы.

Старая история...

Я понимаю, что Андрей Васильевич повел себя тогда не лучшим образом. Но... Сколько ему лет-то было? Девятнадцать? Ага, в этом возрасте все такие умные и рассудительные, аж страшно. И поступки совершаем сплошь обдуманные и взвешенные, и понимаем все намеки с полуслова, и мыслим идеально...

Потому и поговорка сложена: если бы юность умела, если бы старость могла.

С точки зрения сегодняшнего Андрея, его поступок был непростителен. Тогдашнего... он дорого заплатил за свои ошибки. И я не видела смысла осуждать его. Мне было просто жаль талантливого и неглупого человека.

Храмов пожал плечами, но попросил меня взять сопровождающего. Я отказываться не стала. У меня из всей защиты и охраны только Нил... да, я не спорю, это круче вареного яйца, но есть один маленький минус. Малыш не умеет работать вполсилы, он бьет насмерть. Это и правильно, все же лучший враг – мертвый враг, но и минусы есть.

К примеру – закон не одобряет убийства.

Храм не одобряет всякого рода... существ.

А я резко не одобряю, если меня решат избавить от ребенка. В пользу государства или храма. Что я смогу сделать?

Не знаю. Но пушу в ход все. От магии до знаний моего мира.

Вы знаете, что такое терроризм? Но вы таки не знаете, что такое «окна Овертона», «НЛП-программирование», вы не сталкивались с сектами и экстрасенсами... В моем мире много хорошего, да. Но и грязи более чем достаточно. И в ход я пушу все.

Вплоть до терроризма. Это – моя семья, и я никому не позволю ее тронуть. Ни Синютиных, ни Нила... свое я буду защищать до последней капли крови.

Капли крови – врага. Не свою же проливать?

Как говорится, доблесть не в том, чтобы умереть за родину, доблесть в том, чтобы перебить всех врагов во имя своей родины. А потом и на могилках у них поплакать можно. Есть здесь и такое высказывание. И мне оно – нравится.

* * *

На кладбище я ехала в открытой коляске. На козлах – кучер, сзади лакей, он же телохранитель.

Легкое летнее платье, шляпка, перчатки, прическа... сейчас я выглядела уже как княжна. Если еще и загар убрать, но это – увольте. Ходить бледной немочью ради моды?

Перебьетесь, граждане! Это не мода для меня закон, а я для моды. Женщина должна носить то, что ей идет, и выглядеть так, как ей больше к лицу. А не следовать тупо дешевым стандартам, которые установлены невесть кем!

Кладбище было тихим и спокойным. Кресты, обелиски, кипарисы, местное дерево смерти... еще хвойные, кажется, пихта... или что-то еще? Нет, не ботаник я.

Искать нужную могилу можно было долго и безрезультатно, а потому я попросила найти мне смотрителя кладбища или сторожа... Такой нашелся быстро.

Почему-то во всех мирах они одинаковы. Старички, с бородой, с хитро-угодливым выражением глаз. И даже собачонки крутятся здесь такие же. Мелкие и кудлатые.

Для начала я протянула сторожу рубль. Монета исчезла, а старик рассыпался в благодарностях и обещаниях выпить за мое здоровье.

– Лучше собаке поесть купи, – махнула я рукой.

– А это уж всенепременно. Жучка помощница у меня верная. А вы чего ищите-то, барышня? Чем помочь?

– Кальжетовы.

Фамилии хватило. Дедок погрузнел.

– Знаю, а то ж... грустная это история, барышня...

– Расскажите. И проводите меня к... ним?

– Как скажете, барышня.

Мы шли по кладбищу, и я слушала дедушку Прокопа.

Кальжетовы.

Да, некогда это была хорошая семья. Родители, два сына, дочка-солнышко... жить да радоваться? Казалось бы, да, но бог не любит слишком счастливых...

Первой ушла дочка. Влюбилась в какого-то хлыща, а там... умерла, одним словом. Я не стала настаивать на подробностях, понимая, что приличные барышни таких историй не слушают. Мать после смерти дочери слегла, отец не отходил от нее, но спасти несчастную не смог никто. Сгорела в один год.

А там и отец за ней убрался. Любили они друг друга.

Дети же...

Один сын пошел в армию и сложил там голову. Сколько ж он прослужил... лет десять? Даже меньше, не женился, детей не завел... Второй начал пить, гулять, быстро опустился и помер. Такая вот история. И род пресекался...

Я остановилась перед участком, некогда ухоженным, а сейчас грустным и заброшенным. Как же тоскливо выглядят могилы, которые никому не нужны!

Бурьян, сорняки, и сквозь этот мусор проглядывают глаза с обелисков.

Пять человек...

Пять людей, которые могли бы жить долго и счастливо, если бы одна глупая девчонка не влюбилась в такого же глупого мальчишку... Как часто мы ломаем не только свои судьбы, но и тех, кто нас любит!

Как легко мы причиняем боль самым родным и близким...

Я поблагодарила сторожа, а потом подумала пару минут...

– А перчаток у вас нет? И... грабли какие-нибудь, что ли? Прибраться здесь...

Дедушка Прокоп хмыкнул.

– Да что тебе ручки-то ломать, барышня? Ты только скажи, а я все и сделаю...

Вообще, меня тянуло самой привести все в порядок. Но здесь так не принято. Просто нельзя. А потому...

– Возьмите. И приглядывайте, что ли, за могилой...

Я протянула старику пять рублей. Дед схватил купюру и расплылся в улыбке.

– Вы бы, барышня, погуляли покамест, а я сейчас все и управлю?

Логично. Кто платит, тот хочет видеть, за что он платит.

– Пожалуй, я и правда прогуляюсь... благодарю.

Хотя, как думается, прогулка по кладбищу может быть в радость только некрофилам.

* * *

Больше часа я бродила по кладбищу. И за мной тенью следовал телохранитель.

Разглядывала могилы, надгробия, читала эпитафии и чувствовала себя героем повести Джерома. Ага, той самой, «Трое в лодке, не считая собаки».

Проникалась духом столетий, благодатью пространства и прочей трансцендентальной чепухой. Солнышко греет, малыш сопит, деревья шумят, травка зеленеет... благолепие и красота! Кладбище, правда, вокруг, но разве это мешает сливаться душой с окружающим тебя миром?

Мне – не мешает. Магия земли, она ведь еще и к некромантии склонна. Вот и потянуло меня на кладбищенскую лирику.

Когда я вернулась, на участке Кальжетовых было чистенько. Даже ограду дедок умудрился подкрасить! И это за какой-то час... опыт не пропьешь.

Я наградила его еще одним рублем и попросила оставить меня одну. Ненадолго. Можно даже далеко не уходить.

Все закивали, и я осталась одна. Подошла к обелиску Алины, коснулась рукой...

– Здравствуй, Алина. Привет тебе от Андрея...

Показалось мне, или тревожно зашумели кипарисы? Как будто меня кто-то слушал... может ли быть такое?

Не знаю и знать не хочу. Но если слышит – пусть слушает.

– Я узнала его случайно и хочу сейчас сказать одно. Он – пожалел. Ты победила. Он искренне горевал о самом лучшем и светлом, что было в его жизни. О тебе. Если бы можно было вернуться назад и все переиграть, он бы остался. Он клялся мне в этом перед смертью, а в такие минуты не врут. Он любил тебя. Может, только тебя и любил за всю свою жизнь. И просил положить это в твою могилу.

Я вытянула руку с медальоном и разжала пальцы.

Металлический кругляш упал на землю, и та зашевелилась, повинаясь моей воле, он канул в комья земли, как в воду. Это даже сил особых не потребовало.

– Он сказал, что твой локон уйдет с ним в вечность. И память. И его любовь. Помни это и прости его. Прости, но он себя никогда не простит. Он ушел непрощенным.

Ветерок скользнул по моему лицу, и я вдруг... ощутила. Это было как укол боли. Острой, подсердечной... Алина тоже была здесь. Она мучилась и из-за своих родных, и из-за Андрея, и... она не могла уйти.

А вот сейчас...

Прохладное прикосновение, словно тонкие пальцы провели по лицу.

– Спи, Алина. Ты отомщена.

И легкий вздох, словно вдаль уносится нечто невесомое.

А я почти увидела, как медальон преодолевает землю, доски гроба и укладывается на грудь девушки в истлевшем уже платье. М-да, некрасивое это зрелище – мертвец тридцатилетней давности.

Почему-то мне грустно. И слезы капаят на землю.

Проснулся и завожился у груди Нил, серьезные не по годам глазенки вглядывались в мое лицо. Я погладила его по голове.

– Все в порядке, маленький. Просто мне больно за них за всех. Очень больно.

Они могли быть счастливы. А вместо этого разрушили и сломали свою жизнь.

Вот так.

Покойтесь с миром. А я постараюсь не повторять ваших ошибок.

В дом Храмова я возвращалась задумчивая и грустная. Что же с собой делают люди... за что?

Ни за что.

Просто так.

* * *

Слово с делом у Храмова долго не расходилось. На следующий же день мы принялись собираться. Хотя что мне там собирать?

Пара платьев, остальные пришлось оставить, Сергей Никодимович пообещал заказать новые по последней столичной моде. Так что положить смену белья, одежду для Нила, и я была готова. Ване, Аришке и Пете тоже долго собираться не потребовалось.

И вот мы уже стоим на перроне.

Счастливая маман провожала нас в столицу.

Ох, вот где была сценка...

Кому рассказать... сидит маман за завтраком, входит в комнату Храмов, весь такой из себя, аристократ, сразу видно, не в первом поколении, кланяется и заявляет:

– Анна Николаевна, я прошу руки вашей дочери Марии.

Ответом мужчине послужило мягкое «бумц». Маман стекла со стула от избытка чувств. И нет, она даже не притворялась. Синяк на щеке, которой она душевно приложилась об ножку стола, до сих пор переливался всеми оттенками весенней зелени.

Ничего, подняли, отряхнули, привели в чувство, повторили вопрос. Головой маменька так кивала, что китайские болванчики плакали фарфоровыми слезами.

Согласна?

Да, да, ДА!!!

Главное, чтобы Маша не отказалась.

Маша не отказывалась. Я стояла рядом с Храмовым и скромненько улыбалась.

Сергей Никодимович обрисовал мамаше дальнейшие перспективы. Как его теща, она получит содержание. Дом у нее и так есть – дальше на ее усмотрение.

Дети?

Дети пусть сами решают, с кем оставаться, с сестрой или с матерью. Дети твердо выбрали сестру, мамаша погоревала, но смирилась. Ежемесячное содержание в сто рублей скрасило ей горе разлуки.

Насчет детей мы с Храмовым тоже поговорили.

Деньги были, не составило бы труда устроить Петю в элитную гимназию, Арину в пансион для девочек, а Ваню отправить в институт. Увы, проблему составляли сами Синютины.

Они не виноваты в своей необразованности, но... но и полноценное образование на имеющемся фундаменте они просто не потянут. Поэтому решено было просто.

Ваня не собирался получать дальше образование, его устраивало наше фермерское хозяйство. Так что он будет заниматься Туманной лощинкой. Пока я рядом – я помогу, потом посмотрим... уж как обычное хозяйство она тоже процветать будет, хотя и не так, как с магом земли. Подтянуть его по самым основным предметам, ну и деньги он получит. Третью из тех, что от тетки остались. Женится, детей нарожает, дом поставить поможем...

Ваня был согласен целиком и полностью.

Арина сейчас могла рассчитывать на более выгодную партию. Например, купеческого сына. Дворянского – вряд ли, все же папа Синютин не выслужил потомственного дворянства. Да и смерть его...

Дуэль, ага...

Набухался, поперся в бордель, там по пьяни и подрался. С летальным исходом. Это уж чтобы честь мундира не порочить, его красиво оформили. Ну и детей жалко, так им хоть какие копейки шли, пенсион... хоть с голоду не померли.

Для хорошей партии Арине нужно было образование, воспитание и приданое. Приданое будет, образование и воспитание я обеспечу. За пару лет обтешем, найдем гувернантку, а там и замуж выдадим. Девчонка была не против.

Петя... с ним все было намного сложнее. Мальчика требовалось срочно подтянуть до уровня гимназии, а там пусть получает образование и решает, кем стать. Хотя мечта у мальчика была, ему хотелось стать поваром в самом-самом элитном столичном ресторане. Я не возражала, по крайней мере на прокорм ребенок себе заработает. Но – образование.

Петя клятвенно обещал, что подтянется.

Проще всего было с Нилом. Малыш будет при мне, а я постараюсь его не упустить.

Усыновить малыша Храмов не обещал. Да и с нашим ребенком все будет достаточно сложно. И со мной.

Храмов не стал скрывать и честно обрисовал мне возможные расклады.

Его семья входит в юрт Матвеевых. Семья Горских – в юрт Алябьевых. Они не друзья и не враги, скорее, им нечего делить, они нейтральны. Насколько могут быть нейтральны два крокодила, плавающие в одном озере.

Союза не получится. Он изгой в своей семье. Что до Марии Горской, отец сочтет за благо выдать меня замуж по-тихому и забыть. Я совершенно не против.

Но!

Чтобы не было никаких проблем, надо получить высочайшее соизволение. Если император согласится...

Я подумала и рассказала про свой вклад в спасение цесаревича. Храмов тоже задумался. Потом кивнул и пообещал что-нибудь за это выторговать. И главное – не отдавать меня в руки Романова. А вот как избежать рук Матвеева и Храмовых...

Это нам еще предстояло обдумать. Да, именно нам.

Взваливать проблемы Храмова на свои плечи я не собиралась, но согласитесь, определенные плюсы он в моих глазах получил. Он решал большую часть моих проблем. Увы, добавлял при этом свои. Ну да ладно, справимся.

А еще Храмов рисовал для меня политические расклады. Понимала я дай бог десятую часть, но запоминала прилежно.

И что Матвеев хочет выдать дочь замуж за цесаревича.

И что Алябьевым более выгодно, если цесаревич женится на француженке, они ведут дела именно с Францией, а вот Соболянские поддерживают Матвеевых. Так, к примеру...

Что они от этого получают? Союз. У Матвеевых хорошо развита магия огня, у Соболянских – воздуха. Вместе они непобедимая сила, только представьте себе огненный вихрь!

А вот магия земли хорошо представлена в юрте Годуновых. Да-да, Годуновых. Но у них в основном мужчины, женщин-магов практически нет, а тех, кто есть, они замуж на сторону никогда не выдают. И подминать себя не дают. Ходят слухи, балуются некромантией, но не пойман – не побили.

Раскладов было так много, что у меня начинала болеть голова и ныть зубы. Но я стискивала их крепче и слушала, слушала...

Я осознавала, что игроком никогда не стану. Но понимать, как хотят тебя использовать, в моем положении уже благо. Все, все проблемы в жизни происходят именно от недостатка информации. Или от неправильной ее подачи.

А в остальном наши с Храмовым планы полностью совпадали. Я собиралась жить в Березовском и растить детей. Хоть своих, хоть чужих.

Храмов собирался умереть с чувством выполненного долга. И исполненной мести.

Он не обвинял однозначно и стопроцентно, не имея доказательств, и я лишний раз старалась не бередить рану, но у меня создалось полное впечатление, что его жена и сын не просто так погибли. Ой, не просто.

Магия.

В этом мире магия решает если не все, то очень многое. И погибший сын Сергея Храмова мог претендовать на главенство в семье. Дворянин, маг, у отца чины и звания... ладно, тогда их не было, но все равно – уже два первых пункта достаточно увесисты.

Маг и дворянин.

А что из младшей ветви, так и ничего страшного, зато сил хватает. Оба родителя тогда были живы, могли и переиграть в пользу более талантливого внука.

Сейчас Храмов собирался это и сделать. С опозданием, но... Ничего, что при этом меня подставляли под удар?

Ничего страшного. Я девочка не беззубая, маг земли, аристократка, отобьюсь. Кому угодно лапы отобью. Да и Березовский – территория Храмова.

И – Демидова.

С последним выходил серьезный минус, но Сергей Никодимович собирался серьезно поговорить с кем надо. За Демидовым точно установят наблюдение. Посадить вряд ли получится, слово против слова мало что значит, да и власть у него есть, и влияние. Отобьется.

А вот если начать следить...

Попадется он рано или поздно! Не там, значит – тут. Это уже вопрос оперативной раз- работки, а этим Романов заняться может. Но и мне придется с ним пооткровенничать.

Я не возражала.

Одно дело – когда против твоей воли, когда на общих основаниях и разрабатывать тебя будут, наплевав на твое положение. Другое – когда сама пришла, тут и поторговаться можно.

Да и я уже освоилась в этом мире...

Не как аристократка, воспитания мне решительно не хватает. Но нечто среднее...

Храмов, не теряя времени, дрессировал меня еще и в этикете. Как он сам сказал, да, у меня аристократические манеры. Но...

Проявлялось это лучше всего, когда я себя не контролировала. Память и навыки Маши Горской, память тела у меня осталась. А вот когда я бралась решать вопросы, когда что-то делала...

Есть рамки, которые не нарушит ни аристократка, ни мещанка. У каждой – свои. А я непринужденно смешивала все в одну кучу.

В Березовском, который далек от столицы, это сходило за эксцентричность. А в столице?

Хамкой посчитают. И душой. Мы этого никак допустить не могли. А потому поезд нес нас к столице, а мы разговаривали, и разговаривали, и разговаривали...

Ей-ей, будь мы влюбленными, у меня язык бы устал намного меньше. Там хоть на роман- тические вздохи и взгляды можно перерывы делать. А тут – перебежешься. Запоминай дальше, работай...

И я работала.

* * *

Неласково встретила нас Москва.

Именно этими словами я и подумала про дождливую тоскливую погоду, про серое небо, про вечно спешащих куда-то людей...

Разные миры, а москвичи все так же живут втрое быстрее, чем в других городах. Сто- личный темп, что ли?

Карета и кучер ждали нас. Даже две.

Для нас, для вещей... особняк в Москве у Храмова был. Небольшой, аккуратный, в два этажа, серьезных приемов не устроишь, так, вечеринку человек на пятьдесят.

Храмов высадил меня и детей у подъезда и поцеловал руку, обозначая мой статус.

– Я сразу по делам, чтобы не тратить время. Осваивайтесь, Машенька, я приеду к вечеру.

Я кивнула и отправилась осваиваться.

Но с этим проблем не было.

Предупрежденные почтой, слуги встретили меня, как и должны были. Как невесту хозяина. Со всем возможным почтением помогли устроиться, пообещали все показать, устроили меня, Ване и Арине, даже Пете отвели отдельные комнатухи, пусть маленькие, но свои.

Мне вызвали куафера, модистку, приготовили ванну... и жизнь завертелась колесом.

* * *

Храмов вернулся только вечером, усталый, но довольный.

Ужин как раз был готов, самое время поделиться информацией.

– Машенька, все отлично складывается.

– Да?

– Безусловно! Высочайшая аудиенция у нас назначена на послезавтра, а человек, о котором я говорил, сейчас в Москве.

– Но не в курсе, что станет героем вашего плана.

Храмов развел руками.

– Это не нужно ни вам, ни ему, ни мне. Кровь у нас общая, этого достаточно, а знать лишнее... Нет, ни к чему. Хватит и того, что мы с вами знать будем.

Я утвердительно кивнула. Да, этого достаточно. Мы будем знать, а больше никому и не надо. Храмов уже поделился со мной своим планом, и я не возражала. Хотя нормальную княжну такой план заставил бы хлопнуться не то что в обморок – в летаргический сон. Но у меня он никакого протеста не вызывал.

Медицинская процедура, не более. А все остальное – сопутствующий антураж. Перетерпим, перетопчемся. А вот к высочайшему визиту надо бы подготовиться как следует. Император, не хухры-мухры...

Ох... у меня же подходящего платья нет. А там все регламентировано...

* * *

Кремль.

Старый и величественный.

Если сравнивать Москву и Петербург в моем мире... я не могла сказать, что мне больше нравится. Это все равно что сравнивать топ-модель – и настоящую русскую красавицу. Каждая из них в чем-то уникальна, в чем-то проигрывает сопернице, в чем-то выигрывает.

Местная Москва получила все, что в той истории вложили в Петербург. И стала...

Восхитительной.

Нет, здесь не появилось разводных мостов, здесь нет белых ночей, но архитектура...

Удивительное сочетание мощности и изящества. Не легкомысленной воздушности, но основательной и неторопливой грации. Белый камень, черепичные крыши, зелень садов, небрежный флер очарования роскоши.

В той реальности собор Василия Блаженного так и остался единственным и неповторимым.

В этой же...

Мастера превзошли себя еще не раз. И выглядело это так... хвататься за кисти и краски и рисовать, рисовать, рисовать... увы, не мне. Я рисовать не умею.

Ну, хоть бы фотоаппарат!

И какой там невроз, когда вокруг такая красота? Какие волнения? А какая чудесная башня вон там, слева... кажется, что она из яичной скорлупы сделана, такая хрупкая... обсерватория?

Как же здесь красиво!

* * *

Его императорское величество Иван Четырнадцатый впечатление производил. Как-то довелось мне в той жизни пообщаться с местным олигархом. Владельцем заводов, газет, пароходов.

Так вот.

Он его величеству и в подметки не годился. Хотя сила тоже была и харизма перла. Но это – другое. Полная власть в жизни и смерти миллионов людей. Полная уверенность... даже не так. Знание о своей власти. И осознание ответственности, которую она налагает. Крест, безусловно, но несет его величество этот крест с таким достоинством, что вызывает только уважение.

Лев?

Нет. Дракон. Или еще кто пострашнее. И внешность тут ни при чем. Внешне это молодой человек, лет пятидесяти, невысокий, темноволосый, с сединой на висках.

Военная выправка, как и у Храмова, короткие усики, спокойные серые глаза. Цесаревичу до него – как до Китая на раках. Там, конечно, есть задатки, но вот такой внутренней силы просто нет.

Маг воды?

Ни фиги!

Маг водоворота, не иначе. Судя по силе – там внутри настоящий Мальстрем, а еще Сцилла, Харибда и Кракен плавают непринужденно. Если шарахнет, половина страны накроется. И не так уж важно, во что он одет. Хоть бы и в набедренную повязку – внимание обращают на себя в первую очередь глаза, а не скромный серый мундир с одной-единственной орденской звездой.

Второго человека рядом с императором я тоже узнала почти сразу.

Романов. Игорь Никодимович.

И поспешно присела в реверансе. Зашуршал шелк светло-зеленого платья, блеснул жемчуг. Я знала, что рядом замер в поклоне Храмов. Но долго ждать не пришлось.

– Твоя невеста очаровательна, Сергей.

Аудиенция началась.

– Благодарю, ваше императорское величество.

– Государь.

– Благодарю, государь.

– Княжна Горская... доставили вы хлопот моей службе безопасности.

Полноценного упрека в императорском голосе не звучало, а потому я позволила себе невинно потупить глазки.

– Умоляю простить меня, ваше императорское величество. Я не знала о трудностях вашей службы безопасности.

– При этом вы спасли жизнь моему сыну.

Я промолчала. А что тут скажешь? Не стоит благодарности? Это я случайно? Оно само получилось? Или – уплатите мне за услуги?

Тут что ни ляпни, все равно дурой выйдешь.

– Не хотите поведать нам с Игорем Никодимовичем, как это вышло?

Я вздохнула.

Как-как... жить хотелось. Вот и вышло.

– Ваше им...

– Государь, Мария. Так будет удобнее.

– Государь, я не знаю, кто ставил защиту на ваш дворец. Но маги земли могут ее активировать.

Император нахмурился. И я поспешила рассказать про солярные знаки, про то, что именно увидела, про то, как позвала...

Для моей защиты дворец не откликнулся бы. Но он спасал кровь Рюриковичей. Это совсем другое дело, для того его и строили.

Как крепость.

Вот оно, главное различие. Петербург – изящество, открытость, дружелюбие. Москва – крепость. Которой хоть и придали внешний лоск, хоть и увили цветочками, но изначально строилась она, чтобы защищать. Так и ощущается.

Бастионом.

Грозным, неприступным, не бывавшим в руках врага, ибо в этой истории Наполеон решил не ходить на Русь. Потому и жив остался, и размножиться смог.

Император поглядел на Романова.

– Займись. Я правильно понимаю, Мария, вы не просто маг земли – ваша магия активна?

– Да, государь.

– И как вы собираетесь подарить наследника вашему супругу?

– Меня интересовал этот вопрос, государь, – опустила я глазки долу. – Если я правильно поняла, магия проявляется в зародыше примерно через полгода после зачатия. То есть женщина должна воздерживаться от магии примерно полгода. Потом, если ребенок не наследует магическую силу, надо продержаться еще три месяца без магии. А если наследует, то можно колдовать практически сразу.

Император приподнял брови удивленным жестом.

– Вы рассчитываете, что родите мага?

– Я – маг земли, государь.

Это же понятно. Активное плодородное начало в действии, практически гарантия зачатия того, кого нужно и когда нужно.

– Что ж. Мое благословение у вас есть.

Я опустилась в глубоком реверансе. Храмов поклонился.

– Вы, Мария, поговорите сейчас с Игорем Никодимовичем, покажете и расскажете, как именно воздействовали.

– С удовольствием, государь.

– А мы с вашим супругом пока что уточним расклады. Насколько я помню, Алябьевы не дружат с Матвеевыми...

Я снова сделала реверанс.

Подобный подход давал надежду на будущее. И вообще, вы мне дайте хоть какие гарантии безопасности, а дальше я и сама разберусь. Невелика проблема.

Романов вышел из-за спины его величества и предложил мне руку. Я коснулась пальцами полусогнутого локтя и проследовала рядом с мужчиной.

Царские милости надо отрабатывать. Даже если ты их пока и в глаза не видела.

* * *

Романов вел меня по дворцу.

Я показывала пальцем на те символы, которые были мне знакомы.

– Вот этот и этот.

– И вы можете на них воздействовать, Мария Ивановна?

– Только при непосредственной угрозе хозяину дома. Тогда неважно, кто их активирует, – честно призналась я. – Подозреваю, что в противном случае от меня и косточек не осталось бы.

– Сейчас – не получится.

Не вопрос, констатация факта. Я медленно опустила голову. Нет, не получится, и пытаться не стоит. Размажет как фреску по ближайшей стене, тем дело и закончится. Кто бы ни строил Кремль, кто бы ни встраивал защиту в древние стены, он это предусмотрел.

Предки не дурнее нас были, это уж точно.

– Игорь Никодимович!

Улыбка, веселый голос, простой серый мундир. И – знакомое лицо.

– Ваше высочество, – я присела в реверансе прежде, чем успела что-то сообразить.

– Ваше высочество...

– Игорь Никодимович, так вы нашли ее? Мою спасительницу?

– Княжна Мария Горская, ваше высочество, – представил меня Романов.

Я снова присела.

– Нет-нет! – Цесаревич подхватил меня под локоть, давая понять, что не стоит церемониться. – Княжна, я вам жизнью обязан...

Мне осталось лишь развести руками.

– Ваше высочество, в тот момент я плохо отдавала себе отчет в своих действиях, но повторись та ситуация – поступила бы так же.

– Слова искреннего человека. Игорь Никодимович, надеюсь, у княжны не будет никаких неприятностей?

– Что вы, ваше высочество! Ее светлость любезно согласилась показать мне, как и что она сделала, и только.

Цесаревич на миг задумался.

– Могу я составить вам компанию?

Судя по лицу Романова, он бы предпочел сверлить зубы без наркоза. Но – что ты хочешь? Остается лишь старательно улыбаться и кланяться.

Дальнейшая экскурсия проходила втроем.

По лицу было видно, что Романову хочется как следует потрясти меня, но при цесаревиче это просто неосуществимо.

Я тоже не возражала пооткровенничать, но – не здесь и не так. Оказывается, ходить по ярмарке с дрессированным медведем или ходить по дворцу с цесаревичем – разница невелика. Так и так все липнут и глазают. Едва успела шепнуть Романову, чтобы приходил в гости, поговорить. И то цесаревич, остановившийся с кем-то поговорить, практически сразу же вернулся.

И... мне кажется, или меня откровенно «клеят»? Полное ощущение.

Комплименты, улыбки, восхищение, легкие, словно невзначай, прикосновения...

Парня понять можно. Если я в зеркале вижу «секси герл», подозреваю, что и он видит то же самое. Фигурка у меня самое то. Объемные верхние и нижние прелести при тонкой талии и стройных длинных ногах. И все это прокачанное, на свежем воздухе да на грядках, плюс легкий загар, который не удалось запудрить, плюс роскошные волосы и симпатичное личико.

А еще – загадка.

Что привлекает мужчину в женщине? Картинка?

Тогда почему две трети красавиц не особенно счастливы в браке?

Нет, не внешность, и не секс, и не приданое. Это может послужить затравкой для начала реакции, но главное в женщине – загадка. Нечто интересное и неразгаданное.

В данном случае все совместилось. И мордашка, и загадка, а главное – чужая собственность. Видели, как барбосы косточку делят?

Тот случай.

Только эта «косточка» с мозгом и сама выбирает, с кем оставаться. Уж точно не с цесаревичем, который мне...

Нет, не то чтобы не понравился. Парень как парень. Симпатичный, стройный, высокий, наверняка пользуется успехом у дам. Просто – не мое.

Отсутствие химии плюс четкое осознание возможных проблем при дальнейшем сближении. Так что... холод, холод и еще раз холод. Ну почему мы не пошли другим путем?

И на сколько это еще затянется? У меня ребенок дома один!

Ладно, с Аришкой, но ведь ему рано или поздно ко мне захочется! А что способен натворить маленький полоз...

Лучше не думать.

Авось не придется по развалинам бегать.

* * *

Романову я была искренне благодарна. После появления цесаревича он постарался свернуть нашу экскурсию, уложив ее в полчаса, и проводил меня обратно, к кабинету его императорского величества.

Ага, если б это избавило нас от цесаревича!

От кабинета мы шли полчаса, к кабинету малым не час! Потому что каждый встречный норовил поклониться, а цесаревич обязательно начинал общение. Хотя бы парой слов. Хотя бы о погоде.

Все я понимаю, так, наверное, надо, но бесит!

К счастью, ждать Храмова долго не пришлось, примерно через десять минут после нашего появления вышел и он.

Я разулыбалась так счастливо, что цесаревич даже обиженно захлопал ресничками. Наверное, обиделся, что его внимание не оценили. Храмов все понял правильно и со значением поцеловал мне руку. Пометил территорию.

Цесаревич явно сдаваться не собирался. Но объяснить все Храмову возможным не представлялось. Ладно, в карете поговорим. Или дома. Или...

– Ваше высочество...

Поклон, снова поклон, реверанс. И вот мы прощаемся с Кремлем, и карета уносит нас домой.

Долго я молчать не смогла.

– Что сказал государь?!

Храмов откинулся на спинку сиденья и устало прикрыл глаза. На худом лице четко обозначились морщины, под глазами пролегли тени.

– Все лучше, чем я мог надеяться. Его императорское величество – человек благодарный и добро помнит. Там, где это не угрожает отечеству.

Пауза, и мне оставалось только молчать и ждать. Но Храмов и сам не сторонник долгих рассуждений. А потому...

– Завтра едем к вашим родителям. Послезавтра свадьба. Высочайшее разрешение будет завтра с утра.

Насколько я понимала, это серьезная милость. В другом случае оформлять бы все пришлось неделями, чиновники – они в любом мире такие чиновники...

– Романов хотел прийти побеседовать.

– Через два дня. Я напишу ему.

– А... наследник? Когда?

Храмов прищуривается, становясь похожим на хитрого кошака. Драного жизнью, но не побежденного.

– Сегодня я видел нужного нам человека. Думаю, в ночь после свадьбы...

Неплохая идея. Никому и в голову не придет, что вместо супружеского секса у нас намечается другая вечеринка. Кстати...

– Кто будет на свадьбе?

– Мы двое. Горские, если пожелают.

Я хмыкнула.

– А ваша родня?

– Также если пожелают.

Понятно. Ваню, Арину, Петю – придется прятать. Чтобы вся эта кодла не приперлась... я бы на такую удачу рассчитывать не стала.

– Матвеевы? Или Алябьевы?

– Письма я отправлю. Сегодня же.

Ага. А если они не успеют дойти или юртовские не придадут приглашениям особого значения... да и черт с ними! Век бы не видеть, жить да радоваться. Но ведь не дадут...

Кстати говоря...

Рассказала про цесаревича и наткнулась на озабоченный взгляд Храмова.

– Не ко времени...

– С глаз долой – из сердца вон.

– Вы себя недооцениваете, Мария.

Я только хмыкнула. Это не голливудские фильмы, где в героиню обязательно влюбляются все мужчины, включая человекообразных обезьян. Это реальная жизнь, а я не такая уж красавица. Кстати...

– А что помолвка цесаревича? Я как-то и забыла...

– Расстроилась. К немалому удовольствию его отца.

– А следующая кандидатка?

– Пока еще не выбрали. Место свободно...

Храмов явно меня подначивал, но... за что мне нравится генерал-губернатор, так это за понимание. Он увидел, что меня начинает мутить от одной мысли, и тут же прекратил подтрунивание.

– Подозреваю, что это будет француженка или итальянка.

– Дай бог. И побыстрее.

В мои планы не входит даже легкая интрижка с цесаревичем. Наоборот – отпихиваться буду четырьмя лапами.

Режьте меня, стреляйте, вешайте... не пойду!!! Даже спать с ним не хочется. Полученное удовольствие, если оно вдруг случится, явно не стоит проблем, которые на меня свалятся. Убьют ведь...

* * *

Особняк Горских производил впечатление унылости и запущенности. Была жива мачеха – занималась домом. Умерла – и папаша впал в траур. Но жалеть его я не собираюсь. Он меня не пожалел.

Ждать долго не пришлось. Отец вошел в гостиную походкой уставшего от жизни человека. Выглядел он лет на десять старше, глаза тоскливые, а лицо – как у человека, у которого в жизни больше нет ничего хорошего.

Впрочем, при виде меня в его глазах загорелось новое чувство.

Гнев.

– Ты!

Церемониться я не собиралась.

– День добрый, папенька.

Память тела подсказывала спрятаться куда-нибудь и молиться, авось пронесет. Но то реакция забитой добрыми родственничками девочки Маши, которая в жизни на бунт не решится. А я нахально улыбнулась.

– Как ты посмела вернуться в этот дом? После того, как меня опозорила на весь свет?!

Я пожала плечами. Этак, небрежно...

– Позвольте, папенька, в чем именно заключается позор? В том, что все узнали о вашем отношении к родной дочери?

– Что?!

– Сколько времени мне было отмерено в браке с Демидовым? Год? Два?

– Да как ты смеешь?!

Ей-ей, поведи папаша разговор иначе, я не пошла бы на конфликт. Но в данном случае...

– Вы прекрасно знали, что он проклят. Вы знали, чем мне это грозит. И смеее упрекать меня за то, что я бежала, спасая свою жизнь?

– Наглая дрянь!

Папаша замахнулся на меня. Я уже приготовилась пнуть его как следует – не понадобилось. Занесенную руку перехватил Храмов.

– Позвольте представиться, князь. Сергей Никодимович Храмов, жених вашей дочери. Высочайшее соизволение уже получено, завтра свадьба. Надеюсь, вы будете.

Да-а... умеет Храмов ошеломить собеседника. Дай он князю в нос, и то эффект был бы меньше.

Папаша медленно опустил занесенную руку.

– Высочайшее соизволение?

– Предлагаю все обсудить спокойно...

Князь помолчал пару минут, приходя в себя.

– Прошу вас в кабинет, Сергей Никодимович. Мария, ты...

– Ваша светлость, этот вопрос непосредственно касается вашей дочери. Полагаю, она имеет право участвовать в разговоре.

Князь скривился, но промолчал. Только кивнул. Но я не обольщалась, это не победа, это временный успех. Его еще надо развить и закрепить.

Ну и ладно, попробуем. Куда ты, папенька, денешься, от высочайшего соизволения? Приказы императора и в этом мире не оспариваются. Они выполняются с восторженным визгом, так что берегите уши.

* * *

– Я ожидала худшего, – призналась я Храмову, когда мы ехали домой.

– Я тоже.

Но... все сложилось вполне удачно. Князь поругался примерно с полчаса, потом согласился, что замужество снимает все вопросы, а жених хоть и не идеален, но не хуже Демидова. Дворянин, герой нескольких войн, орденами увешан так, что новогодняя елка от зависти

рыдает, состояние поменьше, чем у Демидова, но... оказывается, у меня достаточно богатый муж?

Будет, в перспективе...

Про все состояние Храмов мне не рассказывал, но оказывается, он владеет землей, в его собственности есть несколько заводов и рудников. Просто Демидову больше везло. А вот заводы Храмова медленно разорялись, не принося особой прибыли.

Раньше его это не сильно волновало, но сейчас...

А уж как меня это волновало!

Рудники...

Если я правильно понимаю, талисман Ниты давал Демидову возможность чутать рудные жилы. Вот и причина его удачливости. Заранее знать, где копать, где пройти мимо, где разрабатывать дальше шахту, где вкладывать деньги, где бросить – это серьезное подспорье.

А вот что могу – я? С кровью Полоза в жилах?

Хотя ответ и так ясен.

Ни-че-го. Первое время – так точно ничего. Сначала надо бы родить ребенка, а уж потом пробовать свои силы. Даже не сомневаюсь, что выложусь до доньшка, а как это скажется на малыше? Что бы там Нита ни говорила, так ли хорошо полозы разбираются в человеческой анатомии?

Лучше не проверять на себе. Или хотя бы потом, когда на карте не будет стоять все мое будущее.

Папаша покивал, а я прямо-таки видела расчетливые искорки в его глазах.

Муж стар, помрет скоро, а там и дочка богатой вдовой останется. Можно ли ее потом будет подsunуть Демидову? И с детьми можно, и без детей можно. Почему нет? Тем более, фертильность чадушка будет доказана, а над ребенком, если что, и опеку взять вполне реально.

Это понимали и я, и Храмов. Но молчали.

Зачем грубыми лапами разрушать прекрасные мечты о богатстве? О больших деньгах?

Это мы знали, что папенька не получит больше того, что мы ему дадим. А он пока этого не знал. И хорошо, спокойней будет.

* * *

– Я не знала про заводы и рудники.

– А это повлияло бы на ваше решение, княжна?

– Нет. Но хотелось бы знать подробности.

Храмов чуть грустно улыбнулся.

– Да, Мария, я богат. И все это останется вам и моему ребенку. Думаю, вы сумеете сберечь состояние и не размотаете его на шпильки и тряпки.

– Я же не умею ничем управлять, – перепугалась я. – И биржа для меня лишь слово. А про заводы я вообще не в курсе, и с рудниками не дружу.

– А если я назначу управляющего?

– Я все равно буду проверять, чтобы он не воровал. Но разбираться-то лучше не стану... Итак, подробности? Вам придется меня учить, если хотите получить хорошие результаты!

– Машенька, вы полагаете, я мог бы остаться независимым от Демидова, не будь у меня своего состояния?

– Я об этом не задумывалась.

– Безусловно, у вашего первого жениха дела идут намного лучше. Но и мое состояние позволяет мне на него не оглядываться, а кое в чем и соперничать.

– Так я узнаю подробности?

– Мои рудники не слишком выгодны. Я потом покажу бумаги. Медь, полудрагоценные камни, иногда драгоценные, но очень редко. Ни золота, ни серебра.

– И это невыгодно?!

– Рудное дело всегда связано с риском...

Я была полностью согласна.

– А как получилось, что вы их приобрели?

По губам Храмова скользнула улыбка.

– Машенька, вы видите, сколько у меня орденов? Каждая награда приносит не только славу, но и деньги. А если умело их вкладывать... тратить мне было не на что, семьи нет, детей нет, а утереть нос родным очень хотелось. Молодой был, глупый...

Я кивнула.

В принципе, логично. Во что можно вкладываться, если ты не разбираешься в банковском деле? В недвижимость, в золото, в производство... в данном случае – в собственное производство.

– Мне бы хотелось побывать на рудниках.

– Машенька, вы маг земли, я знаю. Но...

Я подняла руку, останавливая Храмова.

– Клянусь. Я не сделаю ничего во вред вашему наследнику.

Сергей Никодимович несколько минут вглядывался в мое лицо, а потом кивнул.

– Верю. И искренне благодарен вам.

– Так можно будет?..

– Обещаю. Как только домой вернемся.

Я улыбнулась. Магию я применять не буду. А вот попробовать возможности крови Полоза хотелось. Если Нита могла и чувствовать жилы, и разворачивать их... а что могу я?

Интересно же, господа!

Интерлюдия 2

Ночь наползает на старинный город. Укутывает черным платком обнаженные мраморные плечи дворцов, таинственной вуалью затеняет сады и парки, рассыпает щедрой горстью звезды по небосклону. Скрадывает шаги людей, смазывает черты, щедро мажет серой краской кошек.

И не только кошек.

Этот человек явно старается никому не показаться на глаза.

Он скользит в тених словно рыба в воде. Его можно увидеть, но взгляд просто соскальзывает с него, словно капля воды со стекла. Тихо и неотвратно он движется к дому Храмова.

Вот и нужный забор.

Сложно ли преодолеть его?

При наличии нужных навыков – минутное дело. Куда там японским ниндзя? Несколько легких движений – и вот уже тень скользит по саду. Тихо-тихо, так, что не шевельнется ни один листок. Не слышат чуткие собаки, не видят ничего сторожа...

Шаг, другой...

Вот и особняк.

Где же нужное ему окно?

Убийца вспоминает. Да, операцию пришлось готовить в большой спешке, но сложно ли дать пару монет уличным мальчишкам, чтобы понаблюдали?

Вот они – покои княжны Горской, которая так и не станет госпожой Храмовой.

Тень скользит по стене, к окну, открытому по случаю летней погоды.

Да, это нужная ему спальня.

Спит на роскошной кровати под балдахином княжна, рядом с ней видно детское личико... ребенок? Да, ему говорили, у нее есть ублюдок, то ли нагуляла, то ли...

Неважно.

Ребенка тоже придется убить, чтобы не орал раньше времени.

Жалость? Это чувство было неведомо убийце.

Скользнула по тонким пальцам змейкой шелковая удавка. Мужчина склонился над кроватью...

Он даже не сразу понял, что происходит. Не осознал.

Но в темноте распахнулись глаза.

Блеснули ледяным сиянием золота.

На миг убийца застыл, парализованный страхом. А потом уже не было ничего. Только расплавленное золото глаз, в которое он падал, падал...

Последним чувством человека, который никогда не упускал свою жертву, был ужас. Неизмеримая жуть. Испуг такой силы, что на штанах у мертвеца осталось мокрое пятно.

Тело опустилось на пол, словно из него все кости вытащили. Откинулась в сторону еще теплая рука с удавкой.

Ее светлость княжна Горская чертыхнулась, поминая какого-то полевого ежика и вылезая из-под одеяла. С большим удовольствием она бы выкинула труп в окошко и навсегда забыла о нем. Но...

Где тут спальня ее будущего супруга?

Надо разбудить Храмова, а потом он пусть сам решает, что делать с неудачливым ассином. Захочет в окно выкинуть – пусть сам и тяжести ворочает. Так-то...

* * *

– СУКА!!! – Демидов швырнул бокал в стену, оставив на дорогих шелковых обоях грязное пятно. – ТВАРЬ!!!

Других приличных слов у него не было. И кто бы сдержался на его месте?

Мария Синютина действительно оказалась княжной Горской.

Она собирается замуж за Храмова.

Более того, она уехала в Москву с женихом, просить высочайшего соизволения. И останавливать ее уже поздно. Есть сомнения, что они получат просимое?

У Демидова их даже рядом не было. Достаточно ему Храмов крови попортил...

Демидовы привыкли быть самовластными князьями на Урале. Это в столице они захолустные дворяне, а здесь – сила. И любого назначенного губернатора Демидов рано или поздно подминал под себя...

Не в этот раз.

Храмова можно было только убить. Но и убивать его было невыгодно. Кавалер столько орденов, что перечислять полчаса можно, знаменитость, его военные подвиги в академиях изучают! Попробуй тронь такого!

Тут же воронья налетит...

Тут и храм, и романовские шавки, и просто полиция – все копать будут. И могут накопать чего не надо. Нет, убивать Храмова невыгодно.

А подчинить и нечем...

Родных нет, близких нет, на тех, что есть, ему плевать. Матвеев, гипотетически, мог бы урезонить наглого губернатора, но чем ему за это будет обязан сам Демидов?

Ой, не пучком соломки...

Не оказалась бы цена выше возможностей.

Ладно еще Алябьевы, те тихо сидят, а Матвеев рвется к трону. И Демидов ему стал бы хорошей опорой. Только вот сам Сергей Владимирович о таком даже и не мечтал. Чем выше, тем опаснее, для него так точно.

Проклятие, знаете ли...

Если бы удалось его снять, дело другое. А сейчас лучше не связываться. В тени как-то уютнее. И денег заработать можно побольше...

Вот и выходит, что нет управы на губернатора. Купить нельзя, убить нельзя, надавить нечем... когда Демидов узнал о болезни генерал-губернатора, он плясать готов был. Все же такое дело, шило в мешке не спрячешь, тем более – от врага.

Демидов торжествовал и уже не ожидал пакостей. Таких – точно...

Но Храмов и эта стерва?!

Как она вообще посмела?!

Как он посмел?!

Демидов в ярости запустил в стену массивным пресс-папье. Только малахитовая крошка брызнула во все стороны.

Что же делать, что делать?!

Впрочем, Демидов не был бы тем, кем он был, и не ворочал бы такими деньгами, не умея он подчинять чувства голосу рассудка.

Приступ бешенства прошел, и мужчина начал рассуждать здраво.

Итак, Мария собирается замуж за Храмова. Ну и пусть... какие проблемы?

Не Демидов будет ее первым мужчиной? Да и пусть, все соплей меньше. Все равно Храмов последние месяцы доживает, а после его смерти можно будет прибрать к рукам аппетитную вдовушку. И никто ему не помешает.

Заодно и наследство получит.

А если случится так, что ребенок будет... дети – они такие хрупкие создания, такие уязвимые, буквально одно движение – и все. Конец.

И повеселевший Демидов принялся составлять новые планы.

* * *

Игорь Никодимович Романов задумчиво смотрел в огонь. Живое пламя он любил и камин разжигал регулярно.

Сам, никому не доверяя... это был почти ритуал. Пирамидка из березовых полешек, поднесенный огонь на кончике бересты, и пламя, сначала робкое, а потом жадное и веселое, танцующее на золотистых углях.

Неудивительно, что княжну Горскую никто не мог найти. Удивительно, что она смогла выжить. Впрочем, женщины вообще очень живучие. Романов уже дал указание собрать всю информацию о ее жизни в Березовском.

Часть загадки она прояснила. Осталась еще одна часть, но княжна явно не намерена ничего скрывать. Это-то Игорь Никодимович понимал.

И невольно... восхищался.

Вот представьте себе, хрупкая изнеженная барышня, которая росла оранжерейным цветком, и вдруг такие поступки.

Спасение цесаревича.

Побег.

Выживание в условиях, в которых не каждый мужчина справится... есть чем гордиться. А Мария Горская принимает все как должное. И на дальнейшую жизнь у нее свои планы.

М-да... надо бы к ней присмотреться повнимательнее.

Как известно, кадры решают все. А княжна может оказаться весьма перспективным кадром для его службы. Согласие?

А что, кто-то в нем сомневается?

И Романов вновь устался на угли, просчитывая возможные варианты.

* * *

Она вернулась!

Высокий красавец метался по комнате, заламывая руки.

Вернулась!!!

ЖИВАЯ!!!

Радость?

Нет. Отчаяние и испуг. Кому как, а ему это – приговор. Что же делать, что делать...

Хотя *что* делать – ему сейчас скажут.

Дверь открылась, и в комнату шагнул высокий седоволосый мужчина. Милонег откровенно расслабился.

– Господин...

А больше он ничего не успел, даже испугаться.

Боевые артефакты – такая штука, один удар – и нету человека. И тела нет, и работы для некроманта... Седоволосый хмыкнул и бросил артефакт на кучку пепла, минуту назад бывшую блестящим красавцем-офицером.

Жаль, конечно, больно уж материал хорош. Но ничего не поделаешь. Княжна Горская то ли проговорится, то ли нет, рисковать не стоит. А такие «Милонег» товар нередкий, нового найдем...

Убийца развернулся и вышел из меблированных комнат.

Нет, он не боялся быть узнанным.

Некоторые вещи замечательно меняют внешность. Парик, бакенбарды, немного грима, подушечки за щеки – и перед вами совсем другой человек. Никто его не опознает.

Хорошо бы и с княжной разобраться, но это позднее. Мало ли что...

Дверь скрипнула – и закрылась за незнакомцем.

Глава 3

Разборки, стрелки, разбитые тарелки

Мне откровенно повезло: Храмов не спал. Сидел за столом, что-то писал – и удивленно поднял брови, увидев меня с малявкой на руках. Не оставлять же малыша рядом с трупом.

– Что случилось, Машенька?

– У меня в комнате труп, – решила не церемониться я. А чего? Лучше одно потрясение, чем три часа нервотрепки.

К чести Храмова, он только удивленно приподнял брови.

– Хм... и давно этот труп там лежит?

– Минут десять, – прикинула я. – Пришел, залез в окно и, кажется, хотел что-то нехорошее сделать.

– То есть...

– Убить меня.

Храмов кивнул и поднялся из-за стола.

– Пойдемте посмотрим, Машенька.

Я не возражала.

* * *

Дохлый труп мертвого человека так и лежал на прежнем месте. Сергей Никодимович наклонился, профессионально (интересно, откуда навыки?) обшарил его карманы...

– М-да. Машенька, вам повезло.

– Правда?

Храмов покачал передо мной черным кожаным кисетом с какими-то знаками, развязал его и аккуратно потащил наружу что-то интересное.

– Смотрите. Артефакт естественной смерти, – передо мной закачалась на шнурке какая-то блямба с торчащей из нее пирамидкой. – Осторожно, не трогайте. Стоит поцарапаться – и вы тут же умрете. От естественных причин.

Руки я и так тянуть не собиралась – на них был ребенок. А подрастет еще – и я его уже не подниму. Такой слоненок становится...

– Надо сообщить Романову, это по его ведомству, – решил Храмов.

Я вздохнула.

– Что будем говорить?

Теперь задумался и Храмов. И быстро пришел к простому выводу.

– Машенька, а как он умер?

Я развела руками.

– Я виновата.

– Вы же маг земли...

– Ну да. Но склонность к некромантии у меня, видимо, есть, – честно призналась я. А что, я же на кладбище что-то почувствовала? Значит, есть! – Я не знаю, как именно это получилось, но... я просто очень испугалась.

Храмов кивнул.

– Понимаю. Стихийная магия.

– Да, наверное... я даже повторить это сознательно не смогу. А ведь этот вопрос возникнет...

– Оставьте этот вопрос мне, Машенька.

– А мне что говорить?
– Спали, проснулись, увидели труп. Прибежали ко мне.
Я кивнула.
– Спасибо, Сергей Никодимович.
– Не за что. Это и в моих интересах, Машенька. – Глаза Храмова вдруг стали живыми, яркими. словно ему в голову пришло нечто интересное. – Скажите, это ведь – не первый раз?
Я развела руками.
– Нет, не первый.
– Я не ошибусь, если предположу первый случай пару месяцев тому назад, в Березовском? На вечере у баронессы?
Строго говоря, первый случай был с Карпом, но невелика та рыбка.
– Я не хотела. Могу поклясться чем угодно, хоть своим здоровьем. Я не думала, что так получится, и не желала человеку смерти. Хотя она на моей совести.
И солгала, и не солгала. Так-то.
Храмов кивнул.
– Стихийная магия всегда самая сложная. Потому что непредсказуемая.
Мне осталось только развести руками.
– Идите, Машенька, одевайтесь. А я пока пошлю весточку Романову.
Честно говоря, я бы спокойно поспала до утра. А уж потом людей тревожила. Но нет так нет...
И я послушно отправилась одеваться.
Нил сопел у меня на руках, тихо и безмятежно. Я поцеловала его в кончик носа.
– Спасибо, малыш. Ты у меня просто чудо.
Змееныш приоткрыл глазки, зевнул и опять заснул. Вот уж у кого ни угрызений совести, ни душевных терзаний. Хотя мне ли рот открывать? У меня-то их тоже нет.
Надо нацепить это замечательное палевое платье. Когда мы с Храмовым обговаривали гардероб, я специально включила несколько таких нарядов. Не идет мне этот цвет – я в нем кажусь отвратительно нездоровой. В самый раз для полиции. Круги под глазами нарисовать, что ли?
Нет, не стоит. Это тот случай, когда не надо переигрывать. А лучшее – враг хорошего.
Ёжь твою рожь!
С этим недоделанным киллером я совсем забыла, что у меня сегодня свадьба. И ночью поспать не придется...
Думаю, к следующему утру я буду похожа на зомби без грима.
Если б этот ассасин паршивый не помер, я бы его сейчас сама прибила!

* * *

Объяснения с Романовым Храмов взял на себя. Ко мне, как я поняла, претензий не было. Да, покушались. Но кто сказал, что я женщина хрупкая и беззащитная? У меня жених есть, меня обидеть не всякий может, так-то...

Романов не сильно и расследовал вопрос. Умер – и умер, все равно б казнили. Тут другое интереснее – кого хотели убить?

Понятное дело, меня, но как княжну Горскую – или как будущую госпожу Храмову?

Этот вопрос и меня заинтересовал, и сильно. Пришлось рассказать про Милонега.

Романов посетовал, что я раньше не сказала. Я перевела стрелки на цесаревича, получила задумчивый кивок, мол, все правильно, нечего тут языком трепать, и Романов принялся отдавать приказания. Скоро Милонегу придется ой как несладко...

Надеюсь, мне что-то да расскажут о ходе расследования. А пока...

Свадьба.

* * *

Свадьбы бывают разные. Банально, но...

Я бывала едва ли не на всех типах свадеб. От студенческих, с селедкой и водкой в качестве основного блюда, до пышных банкетов, которые можно назвать апофеозом самоутверждения. Распадались и те и другие браки одинаково часто, а если нет разницы, зачем платить больше?

Что-то подобное я высказала и Храмову, когда тот заговорил про свадьбу.

Генерал-губернатор одобрил мой подход, и мы решительно вычеркнули застолье, гостей и прием. Вместо этого был вписан фуршет для тех, кто соизволит прийти. Так, шведский стол, не особо обильный, чтобы никто не напивался и не засиживался.

Равно вычеркнули мы и роскошное платье, и прочие благоглупости. А зачем?

Так что к алтарю я шла в простом белом платье, без всяких изысков. Обычный приталенный силуэт, аккуратный вырез затянут кружевом и кружево наброшено на волосы в качестве фаты. Я давала клятву быть верной и честной, слушаться и повиноваться...

И только мы с Храмовым знали, что клятва не будет скреплена магически.

Венчание проходило в домовой церкви. Приглашенный батюшка вещал о долге и любви, мы вежливо внимали. Свидетели и гости тоже помалкивали. Да и было их не так чтобы много.

Горские – три штуки, мой отец с сестрами. Копиями мачехи, кстати. Братец не явился, ни один, ни второй, впрочем, оно и неудивительно. Слишком все быстро произошло. А братья у меня – один военный, второй в специальной школе. Там еще отпрашиваться надо... проще не связываться.

И Храмовы.

Вот эти персонажи были поинтереснее. Не знаю, когда и как Сергей Никодимович их известил, но...

Стояли, глазами сверкали. Убили бы, будь их воля. Факт!

Я их за это сильно не винила. Чего уж там... богатый, пожилой и смертельно больной дядюшка – женится! А у них, может, наследство уже давно распределено! Уже ясно, что и кому, сколько и когда, а тут молодая жена!

Отвратительно!

Ужасно, кошмарно, недопустимо... только вот поди не допусти! Поздно пить «Боржоми», когда почки отвалились. А священник накладывает благословение.

Я покорно целую распятие... эх, жаль его салфеточкой нельзя со спиртиком. Ну ничего, авось с одного раза микробов не нахватаюсь.

Какие ж у них глаза злые.

Стоит старший брат Храмова. Если Сергей Никодимович похож на луч лазера, то этот – на подушечку для иголок. Толстоватый, опухший, одним словом – никакой. И выглядит старше больного Храмова.

Того болезнь состарила и горе, война и горы, а этого что?

Называется синдром «пережрал-перепил». Живи, ни в чем себе не отказывая, и будет тебе букет проблем. Красивый, медицинский, здесь, кстати, врачи тоже по-латыни говорят. И понять их так же нереально. Видимо – общемировое.

Жена, напротив, сухопарая, тощая, прямая, словно палку съела, глаза темные, злые, буравчиками. Губы сжаты в ниточку, темные волосы гладко зачесаны назад. Ее бы воля – меня бы сейчас распятием не благословили, а огрели по всем местам. Потом еще и добавили.

Сын – копия папаши. Но вот так облизывать меня взглядом все-таки не стоит.

Дочь пошла в мать.

Сестра Храмова вообще не приехала, видимо не в столице сейчас. Ну и пусть ее. Как известно – самая лучшая твоя родня живет на другой стороне планеты. Вот в случае с Храмовыми это факт.

Наконец священник завершает свои читалки и объявляет нас мужем и женой.

Теперь нас можно поздравлять.

Первым подходит мой отец. Хорошая мина при плохой игре – наше все.

– Мария, я рад. Сергей, позвольте называть вас так, на правах тестя...

Они обмениваются рукопожатиями, я целую сестер, правда без особой приязни. Ну так и не с чего ей было взяться.

Не стоило травить тогда еще княжну, она ведь все в дневнике записывала. И как ей платья портили, и туфли, и всякую дрянь подмешивали... понятно, дети не виноваты, они просто за матерью отношение перенимали, но...

Мне их любить тоже не за что.

А сейчас – особенно.

Знаю я эти выходки, потому и за ручонками слежу за шаловливыми... Так и есть. Ножнички.

Не обратила бы внимание, ходила бы с дыркой на юбке.

Дрянь сопливая!

Я ловко перехватываю руку сестрички, так, что ножницы падают на пол со звоном.

– Дорогуша, ты что-то потеряла?

Девчонка покрывается красными пятнами. Я насмешливо смотрю на отца.

– Кажется, у девочки незаурядные способности к шитью? И вышивке?

Иван Горский, соображая, что произошло, сдвигает брови. Не дурак ведь... Потом сообщает – и тоже наливается злой краснотой. Оплеуху девчонке при гостях не отвечает, сдерживается...

Дома, я думаю, малявке еще достанется. Одно дело – воевать в стенах дома, другое – пытаться опозорить семью прилюдно. За такое драть надо. Розгами. Дважды в день в самый раз будет...

Девчонка некрасиво краснеет уже полностью, но молчит. И поделом. Попалась – молчи, а то еще добавят, за чистосердечное-то...

– Братец...

Гриша Храмов цедит слова так, словно они ему язык обжигают.

Сергей не подает виду, также обнимает брата, произносит что-то традиционно вежливое, а я обнимаюсь с сушеной воблой – его супругой.

– Вы просто очаровательны, Мария. Сергею повезло...

– Это мне повезло, – не удерживаюсь я. – Ах, если бы Бог смилостивился и позволил мне подарить супругу наследника.

Судя по гримасе...

Прикопала б она меня здесь и сейчас, да нельзя.

Сынок, Илья Григорьевич, норовит тиснуть меня за попу при братском объятии. Ну, эту науку мы в троллейбусах осваивали в час пик. Жаль, у меня каблук не шпилька, но и так получается неплохо. До вечера прохромает.

А больше никого и нет.

Такая вот счастливая свадьба.

* * *

Вечер выдается еще более счастливым.

Я переодеваюсь в простое темное платье. Храмов тоже в простом выходном костюме, правда, сидит на нем гражданское... не очень. Сразу видно, человек к форме привык.

– Так хорошо?

Маска скрывает лицо, капюшон плаща – волосы.

– Идеально.

На углу уже ждет карета. Закрытая, без гербов, наемная. Она и везет нас к скромному домику из розового камня. Трехэтажному такому, без вывески...

Красные фонари и золоченые завитушки – это дешевка. А реально великосветский бордель – не терпит суеты и обнародования. Там все очень скромно, аккуратно, элегантно...

И приходят туда в масках.

Нас встречает бордель-маман. Вот не знала бы...

Скромное строгое платье. Правда, фигуру оно подчеркивает идеально, портной хороший, сразу видно. И ткань дико дорогая. И украшения.

Но никакой непристойности, никакой вульгарности.

– Господин...

Последняя буква чуть-чуть растягивается.

– Называйте меня Григорием. Моя спутница – Элен.

– Очень приятно, – улыбка полна очарования. – Что я могу для вас сделать?

Храмов подхватывает тетку под локоток, отводит в сторону и принимается что-то нашептывать ей на ухо. Тихо-тихо...

Та мрачнеет, потом оглядывает меня и улыбается.

Что ж...

Выбор сделан, карты брошены. Да и...

Вот честно – не хочу я жить в роли незамужней девушки. Лучше уж вдова с ребенком. Тут есть свои тонкости, но прав у меня будет больше, чем обязанностей.

В чем разница?

Девушка обязана подчиняться всем. Отцу – раз, братьям – два (причем не суть важно, обычно старшим, но бывает, что и младшим тоже), матери – три. Если семья входит в юрт, то обязательно главе юрта. Это четыре.

Про мужа и его родню вообще не говорим.

Пожив в этом мире, я пересмотрела свои взгляды на классику. Если кто помнит пьесу Островского с его великолепной Кабанихой³, так вот, я тетку понимаю. Небось, пожила в атмосфере патриархата – и озверела. Я бы на ее месте и похуже озверела.

Вдова...

Кому я буду обязана подчиняться?

Тут сложный вопрос. Официально я маг земли – так что главе юрта. Но как себя поставишь. Маги – ресурс сложный, загадочный... да, ими можно управлять, можно подчинять, но лучше по добровольному согласию. А то ведь и обратка прилететь может.

Где-то перестараться, где-то недостараться, ни одна клятва не может предугадать всех последствий. Даже об опасности можно предупреждать по-разному. Можно заорать: «Извержение вулкана, бегите, спасайтесь!», а можно сесть за стол и сообщить: «Да, тут через пару часов вулкан откроется, покушать успеем...» Предупредил? Ага, сообщил, порадовал, поулыбался, сел покушать. А вулкан и правда открылся. И сбежать далеко не все успеют, даже если поверят.

Поэтому лучше договариваться полюбовно. Особенно если маг сильный, активный и доказавший свою независимость. У меня это есть.

Подчиняться главе рода Храмовых?

³ «Гроза», А. Н. Островский. (Прим. авт.)

Ну, тут сложно сказать. С одной стороны, я получаюсь младше Григория Храмова по возрасту-статусу. Жена, потом вдова брата, повод для опеки.

С другой стороны – маг земли, мать ребенка-мага... поди надави! Я могу ведь и протолкнуть идею о том, кто может, а кто не может наследовать.

Опекунство над моим сыном или дочерью? Тоже вопрос сложный.

Если я доказываю свою дееспособность, никто у меня ничего не отберет и не заберет. А магам это сделать не так чтобы сложно. Есть хорошие шансы побарахтаться. Что для этого надо?

Выйти замуж за хорошего человека и родить ребенка. Даже не от него. От родственника по крови. От его сына, например.

Эту историю Храмов мне тоже рассказал, скрывать не стал.

После смерти жены и сына... на войну он попал не сразу. Сразу он ушел в глубокий красивый запой. Выходил из него до борделя и обратно.

Вот тогда и вспомнил...

Алина Кальжетова – не первый и не последний случай. Только те, кто поглупее, ищут, где избавиться от ребенка, а те, кто поумнее, – где можно выйти замуж.

Если повезет, ребенок рождается недоношенным. Это и в двадцать первом веке прекрасно практиковалось, у меня так знакомая хвостом вильнула. Ей вообще повезло, она на восьмом месяце была, когда они с мужем в аварию влетели. Не сильно, но роды начались. Машина пострадала, люди целы, но испуг, нервы... Супруг до сих пор уверен, что его сынок родился шестимесячным. Точный-то срок недоношенности ему никто не сказал.

Вот и у Сергея Храмова роман случился.

Дочь купца, симпатичная девочка... отец быстро понял, в чем дело, но было поздно. Ребенок уже образовался. К чести семейства, травить девочку они не стали, выдали замуж, а ребенок родился одаренным... и способности – проявленные.

В папу.

Правда, отец-in-law⁴ об этом не догадывался, да и ни к чему. И так все неплохо сложилось. Сын пошел воевать, заслужил себе уже потомственное дворянство, семья гордится...

Как я поняла, Храмов там тоже лапку приложил, потихоньку. Может, эта помощь и дала ему силы жить дальше? Признать сына он не мог, даже сказать ему о себе, но все же сын.

Только вот по документам – не его. Но ведь не обязательно же объявляться или официально участвовать в жизни малыша? Это было просто невозможно.

Фактически – это разрушить чужую семью, влезть в дела чужого рода, подставить хорошую женщину... нет, на такое Сергей Храмов был не способен. Хотя сына ему повидать несколько раз удалось.

И он отправился воевать.

А там...

Время все расставило на свои места, и Храмов смог помочь сыну. Втихорца, но серьезно.

Сейчас мне предстояло провести ночь с этим самым сыном. Интересно, что именно должна бандерша моему супругу? Думаю, немало, за такую-то подставу.

Меня поманили к высоким договаривающимся сторонам, осмотрели цепким взглядом...

– Главное условие – неизвестность?

– Да.

– Хорошо. Элен, вы понимаете, чем рискуете?

Я вовремя вспомнила о своем «псевдониме» и кивнула.

– Вполне.

⁴ Father in law (англ.) – тесть, свекор, отчим, здесь используется в значении «отец в законе», «официальный отец». (Прим. авт.)

- Пойдемте переоденемся.
- Объект хоть издалека покажете? – мрачно уточнила я.
- Покажем...

* * *

Мужчина был весьма и весьма.

Высокий, чем-то похожий на Храмова, с резкими чертами лица, черноволосый и сероглазый, лет сорока. На пальце поблескивало обручальное кольцо, что сразу убавило ему обаяния.

Женатик – в борделе?

Ай-яй-яй...

Обстоятельства, они разные бывают, но как женщина я такого не одобряю. Хотя и сама... гхм.

Душевно ж мы осуждаем других за то, что с легкостью разрешаем себе.

А так – мужчина вполне себе симпатяшный. Встреть я его в том мире, даже не задумалась бы, открыла сезон охоты. Вполне в моем вкусе, ни животика, ни плешки...

На пальце – кольцо с рубином. Маг огня. Тоже – по желанию, можно носить, можно не носить, но если надевать, то вполне определенной формы: квадратный камень в определенного вида оправе, с гербом твоего юрта.

У магов земли – изумруд, воды – сапфир, воздуха – аметист.

Я такое кольцо никогда не надену, женщинам не полагается.

Внимательно смотрю, запоминаю, потом перевожу вопросительный взгляд на бандершу. Та провожает меня в небольшую комнатку. Основная ее принадлежность – кровать. Рядом тумбочка со всяким... секс-инструментом.

– У вашего... клиента особых предпочтений нет, стандартные наклонности, – просвещает меня мадам. – Вы еще девушка?

– Да.

На губах бандерши расцветает улыбка. Явно подзаработает, но мне плевать. Хоть бы и тройную таксу, всякий труд должен быть оплачен. Пусть деньги скрасят ей эту договоренность.

– Советую надеть. – Мне протягивают белое платье. Я беру и киваю. – Служанку прислать?

– Не стоит.

– Лицо...

Я улыбаюсь. И снимаю маску. Это с волосами я сделать ничего бы не смогла, они ни под один парик не влезут, а вот черты лица поменять куда как проще.

Не лицо. Вторая маска из краски. Макияж а-ля Клеопатра. Эффектно увеличенные глаза, причем я сильно подчеркнула их зеленым. Так что нужный оттенок они приобретут, особенно в полумраке.

Правильно нанесенные пудра и румяна легко поменяют очертания скул.

А губная помада легко изменит контур губ, тут главное брать что-то стойкое, чтобы по всему лицу не размазать в процессе. Хотя мало кто будет целовать шлюху. Не в упрек мужчинам, просто так оно и есть.

Поменять прическу, да и сами волосы можно поменять на один вечер, ладно уж. Я вымыла их с басмой, и они стали угольно-черными. Плюс распрямить их под ту же Клеопатру.

Очень нарочитый макияж, скрывающий личность.

Бандерша одобрительно оглядывает меня и кивает.

– Хорошо.

А никто и не сомневался, что хорошо.

Получилась этакая экзотическая смуглая красотка. Ничего общего с Марией Горской.

– Надеюсь, умывать девушек у клиента привычки нет?
Тетка улыбается, понимая, что я нервничаю.
– Таким извращением он точно не страдает. Ждите.
Что мне еще остается?

* * *

Платье садится почти по фигуре, подгоняется достаточно легко, застежками. Снять тоже несложно. Развязать пояс, расстегнуть две застежки, на плече и на бедре, – и остаешься голой, как палец. Не надевать же под него корсет и панталоны?

Я молча сижу на кровати и жду. Полчаса, сорок минут... интересно, зеркало напротив – с двусторонней прозрачностью? Искренне надеюсь, что за нами никто наблюдать не будет. Неприятное ощущение.

По той жизни знаю, что некоторым это доставляет удовольствие, но не мне. Наверное, я другие книги читала или у меня другие вкусы.

Дверь открывается.

Светильники дают мягкий приглушенный свет, я поднимаюсь навстречу гостю.

Вблизи он еще лучше, чем издали. Выше меня почти на полторы головы, широкие плечи, улыбка...

– Однако! Какой сюрприз...

Я молча склоняюсь в поклоне. Меньше слов, больше дела.

– Откуда ты родом, девочка?

– Из Египта, господин.

– И как твое имя?

– Лейла, – выбираю я вполне интернациональное.

– Хм... подойди ко мне, Лейла.

Игра начинает меня забавлять. Медленно подхожу, опускаюсь в поклоне на колени так, чтобы волосы закрыли лицо, стою и жду.

Меня поднимают очень осторожно. Мягко, бережно...

– Ты красивая девочка...

Горячие руки скользят по моему телу, в голове приятно шумит, ноги слабеют...

– Мне позволено будет раздеть господина?

– Да...

Я медленно раздеваю мужчину. Параллельно пользуюсь знаниями еще из той жизни. Здесь коснуться, здесь погладить, словно невзначай, что-то, а таких сведений в интернете было много. Почему бы и не просветиться, если ты хочешь доставить удовольствие себе и партнеру?

У этого мужчины явно нет проблем с потенцией.

Потом я касаюсь своей застежки, смотрю вопросительно и получаю ответный кивок. Можно.

И белое платье падает к моим ногам полупрозрачным облачком кисеи.

Дальше...

Дальше все получается как нельзя лучше.

Единственная ехидная мысль мелькает на краю сознания. В кои-то веки мужчина платит за то, чтобы его поимели. Редкая практика, нет?

* * *

Да...

Для первого раза – более чем достаточно.

Из кровати меня не выпускали часа три, не меньше. И удовольствие я получила. Эгоистом мой партнер не был, обо мне позаботился, неприятных впечатлений у меня не осталось.

Просто – много. Сила трения, она все же есть. И натерло мне достаточно сильно. Это в тот момент не заметно было, а когда запал прошел – засадило.

Уснул он как собственник. Не выпуская меня из рук.

Я лежала тихо, пока мужчина не расслабился окончательно, потом коснулась его щеки.

Запоминая.

Нос с горбинкой, тень от густых черных ресниц на щеках, высокие скулы, синеватую щетину, которая уже пробивает себе дорогу, твердый квадратный подбородок... не знаю, кто была его мать, но от родителей он взял самое лучшее.

Спи, мой первый мужчина.

Я даже не знаю, как тебя зовут, да и не надо. Ни к чему.

Если только потом случайно столкнемся, но и так вряд ли ты узнаешь в княжне Горской – невольницу Лейлу.

Накинула белую хламиду, вытащила из шкафа свое платье и покинула комнатку. Искупаться и поспать.

Других желаний у меня нет.

Ах да...

Коснулась ладонью живота.

Хотите – верьте, хотите – нет...

Я буквально ощущала под пальцами биение теплого живого сердечка.

С одного раза?

Хм... с первого. Но – не с одного, это уж точно.

Предохранение?

Обычно о нем заботятся в борделях. Мужчины пользуются определенными изделиями, здесь их делают из овечьих кишок. Надежность низкая. Дамы проверяются у врачей, последствия... ликвидируются.

Заклинания? Противозачаточные?

Это, простите, из области сказок. Вмешиваться в функционал организма можно, но сложно, дорого и доступно не каждому встречающему. Уж точно не пойдет такое заклинание в массовое производство.

Почему? Да потому же, что и противозачаточные таблетки. Еще в той жизни у меня была знакомая... пропила курс. За три месяца сменила сорок восьмой размер на пятьдесят второй. Потом рассказывала, сколько надо сдать анализов, чтобы подобрать правильные таблетки.

Люди – уникальны, организм у всех различный. Что одному хорошо, второму и на уши не налезет. Так что подобрать общее заклинание для всех просто не получится. А исследовать каждую проститутку частным образом...

Ага, два раза.

Так что забеременеть оказалось несложно, как и предвидел Храмов. Программа-минимум выполнена.

Теперь домой.

Только вот переодеться бы где...

* * *

Долго искать где – не пришлось. Слуга ждал меня под дверью, проводил в комнату, где показал мне на таз и кувшин с водой. Я быстро обтерлась губкой и принялась одеваться.

Храмов вошел, когда я застегивала последние пуговицы.

Бессонная ночь далась супругу тяжело. Под глазами залегли синие тени, лицо осунулось...

– Машенька?

– Можем уезжать, – просто сказала я.

И получила в ответ счастливую улыбку.

– Да?

– Да.

– Слава Богу!

Я не могла выказать такой же энтузиазм, но пусть человек порадуется.

– Едем?

– Да.

* * *

Дома пришлось попотеть, смывая краску как с лица, так и с волос. Последние до конца так и не отмылись, ладно, не за один раз. Все равно в прическе оттенок особо не видно.

Арина помогала мне, болтая без умолку.

– Нил всю ночь беспокоился.

– Да?

– Да. Как вы уехали, так нервничал, хныкал, ничего кушать не хотел...

– Солнышко мое маленькое...

Я переживала, и малыш нервничал.

– Потом вроде как успокоился, даже уснул. Но спал все равно плохо, крутился...

Пеленать ребенка я сильно не давала. Пусть дрыгает лапками. Сильнее будет. Да и не нравились змеенышу коконы из пеленок, свободы хочется.

Вот и сейчас он лежал на кровати, сучил ножками, пробовал переворачиваться. А потом еще поползет, еще и на зуб все будет пробовать...

Интересно, как дальше будет?

Сейчас-то я его таскаю спокойно, и вес невелик, и я в форме. А позднее? Месяца с третьего мне бы уже тяжести не таскать... даже такие любимые и обаятельные.

Ладно, разберемся. Аришка поможет.

– Маша, у тебя все в порядке?

– Более чем.

– Тебе точно не причинили вреда?

Я покачала головой.

– Аришка, все в порядке. Вас тут никто не обижает?

– Нет. Нас просто... стараются не замечать. Обидно даже.

– Радуйся. Слуги просто не знают, как себя с вами вести, а гости, значит, внимания не обращают. Вот и проблем будет меньше.

– А обратно мы скоро поедем?

– Со дня на день.

Арина расслабилась.

– Хорошо. Скорее бы...

Я тоже так думала. Ну ее в болото, эту столицу. И на вечеринки меня не тянет, и в магазины... а вот в лощинку хочу. И в горы. И вообще...

Хочу в Березовский.

Но надо дожидаться Романова.

* * *

Игорь Никодимович появился после обеда. И выложил передо мной несколько фотографий.

Здесь они есть, хотя и дороги. Дагерротипы, слышали?⁵ В этом мире они назывались ньепсами. Время выдержки одного ньепса – минут двадцать. Людям, конечно, сложно, но чего не сделаешь ради памяти? И сидят, и глядят, и не шевелятся.

Милонегу на одной из фотографий я узнала сразу.

– Он.

– Хм...

Я заподозрила неладное.

– Он вообще жив?

– Вообще мертв, – в тон мне ответил Романов. – Убили с помощью боевого артефакта, там только горстка пепла осталась.

Я аж присвистнула от неожиданности. Оперативно работает неизвестный злодей, не успела я настучать, как ниточку тут же и оборвали.

Нет, надо уезжать.

И – быстро!

– Кто это его так?

– Неизвестно.

Я вздохнула.

– Тут я тоже ничем не помогу. Уж простите...

– Мария Ивановна, где и как вы с ним познакомились?

Я подумала пару минут. А потом ехидно улыбнулась.

– Игорь Никодимович, а вы не хотите проехаться со мной к Горским?

– Простите?

Такого предложения глава КГБ (ладно, охранки, но я переименовала для себя) уж точно не ожидал. Я улыбнулась еще раз.

– Я раньше вела дневник. И готова отдать его вам, если вы обещаете не обнародовать мои девичьи секреты.

Романов фыркнул.

– Мария Ивановна, вы так готовы... доверить их моей службе?

– Ничего предосудительного я не делала. И к алтарю шла девушкой, – отозвалась я. – К тому же, Игорь Никодимович, это идеальный способ избавиться от шантажистов.

– Что?

– Чем больше людей в курсе твоих секретов, тем меньше желающих тебя ими шантажировать. А тут все ваше учреждение в курсе будет, куда уж больше...

Романов хмыкнул. Понял, что я шучу...

– Может, мне и будет стыдно за детские глупости. Но пусть лучше мне будет стыдно сейчас, чем больно потом.

– Что ж. Если ваш супруг, Мария Ивановна, не возражает...

– Не возражает, – кивнул Храмов, который присутствовал при разговоре.

– Тогда мы можем поехать прямо сейчас.

Так мы и поступили.

Единственное условие, которое поставил Храмов, – взять с собой хотя бы Ваню. Я и взяла, чего тут спорить?

⁵ Историю пересказывать не буду, долго, кому интересно, погуглите Луи Дагера и Нисефора Ньепса. (Прим. авт.)

Нил удобно устроился в слинге, обнимая меня за руку, которой я его поддерживала. Детка моя...

Все, я готова, можем ехать.

* * *

Лицо папаши, когда мы заявили с Романовым, торжественно извлекли мой дневничок и глава охраны прижал его к сердцу, надо было видеть.

И глаза...

Я навеки сохраню это в своей памяти. Жаль, рисовать не умею, еще бы и нарисовала. Вот чертить, план здания набросать – это пожалуйста, а чтобы человека, там, или собачку, цветок красивый... Это – не мое.

Многое мне бы высказал князь Горский, но тут лучше не вякать. С Романовым шутки плохи, это все знали. А потому...

– Мария, передай супругу, я хотел бы приехать сегодня.

– Может быть, завтра, папенька? Мой супруг себя не слишком хорошо чувствует... он слегка утомился.

Намек мужики поняли. И князь кивнул, мол, завтра приеду.

Я передала приветы сестричкам и откланялась.

У меня были еще два дела. И оба хотелось осуществить без свидетелей.

* * *

С Романовым мы расстались за воротами особняка. Ваня посмотрел на меня.

– Маш, куда теперь?

– На почту.

На почте я много времени не провела. Просто сложила в деревянные ящички побрякушки, которые некогда позаимствовала у дам в больнице, и отправила по нужным адресам. Благо узнать их несложно, в «Альманахе» и такое печатают.

Да и чего скрывать?

Где живет, например, князь Горский? В резиденции Горских, ясно же! Где живет Романов? В резиденции Романовых. И адрес половина столицы знает. А вторая может легко найти, просто спросив.

Так что я отправила побрякушки законным владельцам и порадовалась. Все, больше этого груза на моей совести нет. Я страховалась тогда, это так. Но воровкой быть никогда не хотела. Правда, мне просто повезло. Повернись дело иначе – и эти побрякушки могли мне жизнь спасти.

Второй пункт...

Кладбище.

Андрей Васильевич.

Я успела узнать и где его похоронили. Так что цветочный магазин на очереди. Мне нужна большая красивая корзина цветов. Четное число.

И лента с надписью.

«С любовью».

Больше я ничего не напишу. Права не имею. Да и кто я Андрею Васильевичу? Не родственница, не подруга, не, не, не...

Просто одинокая душа, такая же, как он сам.

Просто человек, который ему обязан жизнью.

Как же грустно и тоскливо, когда уходят хорошие люди...

* * *

На кладбище было тихо и грустно.
Те же кипарисы, те же обелиски, только имена другие.
Вот и нужная мне могила, покамест с простым деревянным крестом. Потом, через годик, когда земля осядет, можно и обелиск ставить.
Простой холмик, цветы уже убрали...
Я поставила корзину на землю. Плюнула на все и присела рядом.
– Вот я и пришла, Андрей Васильевич. Здравствуйте...
Песок легко пересыпался между пальцами. Бездумно так...
Шумели деревья, Ваня, которому я на руки передала малыша Нила, отошел подальше и слышать меня не мог. А мне так хотелось с кем-то поделиться...
– Я была в Березовском, Андрей Васильевич. Выполнила вашу просьбу. Как же вы так, не дождались...
Мешочек с землей легко открывается, черная сухая пыль сыплется между пальцами, смешивается с песком, словно бы растворяется.
– Она вас тоже помнит, Андрей Васильевич. Помнила. И ждала. Сейчас душа Алины свободна. Надеюсь, что и ваша тоже... я пока еще ничего не знаю о некромантии, не знаю о своей силе, ничего не знаю. Только вот связями обросла как корабль – ракушками. И очистить все рука не поднимется, люблю я их всех... А еще меня во что-то непонятное тащат. У всех свои планы, замыслы, и никто со мной считаться не будет... выжить бы...
Слезы медленно капают на сухую землю. Сочувственно шумит ветер. И мне очень-очень грустно.
Ничего.
Здесь можно расклеиться. Можно позволить себе поплакать. Побывать самой собой, хотя бы недолго. Не Железным человеком, а просто, обычной женщиной.
Через два часа я уйду с кладбища полностью спокойная. Глаза красные, лицо слегка опухло, ну и что? Мне теперь и поплакать нельзя?
Отвяжитесь все, у меня токсикоз! И только посмейте сказать, что его не бывает сразу после зачатия!

* * *

Вот и особняк Храмова.
Я выхожу из кареты, ухоженный сад, мраморная дорожка, начинаю подниматься по лестнице... Словно кто-то дергает меня за руку.
Ай!
Подворачивается нога, я падаю на одно колено, звонко вылетает мраморная крошка из ступеней, обиженно верещит придавленный Нил, что-то кричит отчаянно Ваня...
Все сливается в одну какофонию звука, благо происходящего я не вижу, лежа чуть ли не носом в ступеньку...
Мысль у меня одна, но очень «умная»: «Хорошо хоть до этого киллера Нил не доберется. А то скажут – мор на убийц напал».
Потом к ней прибавляется вторая: «Интересно, кому ж я так мешаю?»
Да и вообще, пора бы и честь знать! Погостили в столице – надо рвать когти в провинцию, пока мне их вообще не оторвали.

* * *

Меня кое-как затащили в дом.

Храмов ждал в гостиной, он был явно недоволен. Интересно, чем? Покушением?

Ага, если бы.

Ответ нашелся быстро.

На столе стояла роскошная корзина с белыми розами, ничуть не хуже той, что я оставила на кладбище.

– Это что?

– Это, Машенька, прислал цесаревич.

Ответом супругу стал приоткрытый рот и хлопающие глаза. С какого, простите, черта? Я ему что – авансы раздавала?

– И вот это...

«Вот этим» оказывается приглашение на бал, который состоится через четыре дня. Все там же, в Кремле...

– Ёжь твою рожь!

– Не слишком дипломатично, но верно по сути.

– И что теперь делать?

Храмов развел руками.

– Судя по всему, его высочество заинтересовался вами, Машенька.

Дальше генерал-губернатор дипломатично сделал вид, что не слышал адреса, по которому я послала цесаревича.

Заинтересовался он! Ага, два раза!

Ему не Маша Горская интересна, а единственная женщина, которая перед ним не расстилается в восторге плюшевым ковриком. Что – не так?

Это же психология. Положи рядом с котенком игрушку – и ему будет плевать. Попробуй отобрать эту игрушку – и тебя тут же настигнет возмездие в виде кошачьей лапы. Надо было сразу идиотский восторг изображать, надо!

Не додумалась.

Дура.

А теперь что делать?

– Ничего, – мрачно отозвался Храмов. – Уезжать побыстрее, благо моя должность не предполагает долгого отсутствия в Березовском.

Я злобно зашипела.

– Может, мне его изнасиловать?

– Цесаревича?

Храмов посмотрел дикими глазами, потом понял, что я шучу, и рассмеялся.

– Ох, Машенька...

– Я не шутила.

Я как раз представляла, как пристаю к цесаревичу, хватаю его за воротник, применяю прием... и дальше все по тексту. Какому?

«Камасутры» начальника.

Залюблю так, что ноги таскать не будешь, гад! Отловлю, вылюблю, выкину... Кто сказал, что бабы не могут мужиков насиловать? Даешь феминизм! И сто пятьдесят оттенков... неважно какого! Все равно – не отвертятся!

Гр-р-р-р!

Вот мало мне проблем было, так еще и это?

– А что с покушением?

– Сообщим Романову.

Я снова помянула несчастного ежика. Нет, ну что за жизнь? Не убьют, так вылюбят! И еще неизвестно, что хуже.

Да, цесаревич Василий. Молодой, красивый, при короне в перспективе... стать фавориткой?

Да лучше сразу удавиться! Оно безболезненнее будет! Тут и магия не поможет, прикопают под кустиком и скажут, что он уж сорок лет из меня растет!

Неужели непонятно?

Тут и государственные интересы, и собственные расклады юртов... лезть в это? Пытаться привязать к себе пресыщенного жизнью человека, которому все уже не по разу предлагалось?

Это даже не наивно. Это смешно, глупо и нелепо. И я этим заниматься не буду. У меня свое дело, свои родные, свой ребенок... скоро два будет. И вы хотите, чтобы я...

– А если потребовать осмотра лейб-медика?

Храмов задумался.

– Вы точно беременны, Машенька?

– Уверена.

– Вам может стать плохо на балу.

Я хлопнула в ладоши.

– Сергей Никодимович, вы такой умница!

Ни убавить, ни добавить!

Мне становится плохо на балу, я требую осмотра медика, тот подтверждает, что я того-с... в залете. Цесаревич оказывается не при делах – мне ведь можно все и запретить до родов. А потом и после родов, годика на два или три...

А еще мне нужен свежий воздух. В провинции!

Я потеряла руки.

– Обещаю, мне станет плохо практически сразу же.

– Машенька, не переусердствуйте...

– Обещаю. Ёжь твою рожь!

– Что случилось?

– А покушались-то на меня из-за чего? Если чтобы я вам наследника не подарила?

Тут уж настала очередь Храмова задуматься.

– Гришка, конечно, на многое пойдет, но чтобы так?

– Там не только Гришка. Там еще его супруга, дети, семья жены... что – некому?

– Знать бы. Там еще и Демидов...

– Демидову выгодно покушаться на вас, не на меня.

С этим поспорить было сложно. Оставалось ждать Романова.

* * *

Убийцу, увы, не поймали. Допросить было некого, а опрос соседей ничего не дал. Да и что тут можно сказать?

А только одно.

Этот человек – не профессионал. Профессионалы таких пошлых ляпов не допускают. В родном мире бы меня три раза пристрелили, и никто не понял – ни откуда стреляли, ни что именно кто-то стрелял...

А тут шума много, пользы мало.

Вывод?

Либо непрофессионал, либо вообще новичок, либо кто-то поскупился, либо меня и не хотели убивать. Напугать, предупредить – это другое. Заставить уехать из столицы как вариант...

Что ж.

Посмотрим после обнародования приятной новости, что и как будет происходить. Кто как среагирует. Кто обидится, кто разозлится...

А если за мной еще придут убийцы...

Лучше пусть это будет в Березовском. Там трупы прятать легче.

Интерлюдия 3

В кои-то веки Анна Синютина была счастлива.

Без купюр и дополнений.

Откровенно и бездумно.

А почему нет? Что еще надо для счастья скромной вдове? Да удачно выдать дочку замуж! И уж куда удачнее!

Генерал-губернатор! Лучше него в Березовском партия – только Демидов. И то...

Скажем честно, у Демидова есть один недостаток. Возраст. А у Храмова то же самое – достоинство. Маша прекрасно может остаться молодой вдовой. И мамочку она не бросит. И братиков с сестричкой тоже.

Не та Маша?

Об этом Анна Синютина даже и не задумывалась.

Конечно, это ее дочка! Что она – свою плоть и кровь не узнает? Это у них в крови! Анечка удачно вышла замуж, ее сестра... ладно, ту родители замуж выдали, теперь вот Машенька.

Жаль, Ариночку замуж выдать не удалось, такая партия была хорошая. Но, может, все еще впереди? Машенька наверняка поспособствует, чтобы Ариночка выгодно вышла замуж...

Анна предавалась розовым мечтам, лежа в гамаке во дворе своего дома.

Рядом на столике стояли сладости, время от времени она надкусывала сушку или разворачивала и съедала конфетку... может себе позволить! Имеет право! Сейчас-то ее зять всем обеспечит! Поди, плохо?

Теща генерал-губернатора...

Анна даже зажмурилась от счастья. А когда открыла глаза, рядом с ней стоял мужчина. И она его отлично знала.

Демидов. Сергей Владимирович.

Как он попал во двор?

Ага, а то там попасть сложно? Щеколду откинуть ножом, калитку пнуть... замки и засовы – это от честных людей, вежливое напоминание вора, что хозяев дома нет. А у Демидова специалистов хватало. В том числе и подобного профиля.

Анна вскочила.

То есть – попыталась.

Вот вводная. Вы дама, за сто килограммов, лежите в гамаке, да рядом еще столик стоит...

Столик чудом не перевернули на Демидова. А сама Анна прочно запуталась в гамаке. Демидов наблюдал за этим с плохо скрытым отвращением. Но... в засуху и из лужи напьемся. Ему нужна была информация, эта корова может ее предоставить.

Осталось – договориться.

Да, судя по всему, Мария Синютина и есть Мария Горская. Но нужны подтверждения, в том числе – документального характера. К примеру...

Умом Демидов обделен не был, два и два он складывал прекрасно.

Если Мария Горская заняла место Марии Синютиной, куда делась последняя? Тут двух вариантов быть не может. Только умерла.

Где может быть тело?

Среди неопознанных. Тогда девушку должны были описать и похоронить за казенный счет. А как иначе? Не держать же тело невесты сколько времени?

В таких случаях хранят прядь волос, чтобы можно было установить родство, но и только. Это и экономнее, чем весь труп держать. Он, извините, место занимает, а еще протухает, гниет, разлагается...

За чей счет хранить будем? Казны? Здесь такого расточительства не понимают.

Где хоронят?

В общей могиле. Есть такие. Копают рвы на краю кладбища, скидывают туда всех бродяг без роду-племени, которых угораздило умереть, потом, когда ров наполняется, его засыпают, ставят один крест на всех, с примерной датой, тут сентябрьский ров, там октябрьский, и копают новый.

Копаться во рву, разыскивая конкретное тело?

Вот еще не хватало! Намного проще позаимствовать образцы волос и сравнить с родственными. Это обошлось Демидову в сущие гроши.

Осталась Анна Синютина.

Можно ли позаимствовать у нее волосы или кровь так, чтобы она об этом не узнала?

Запросто!

Но...

Демидову нужен был свой человек в стане врага. Так что мужчина поклонился толстухе, словно княгине.

– Госпожа...

– Ваше... ваше.... – задохнулась то ли от восторга, то ли от жира толстуха. Закатила глаза, облизала пересохшие от волнения губы, и кто бы знал, каких трудов Демидову стоило не скривиться от отвращения.

– Называйте меня просто – Сергей Владимирович. – Демидов ослепительно улыбнулся и помог жирдяйке выпутаться, стараясь не показать своей брезгливости. – Я хочу поговорить о вашей дочери...

* * *

Игорь Никодимович Романов занимался странным делом.

Он – музицировал.

Пальцы скользили по клавишам старого рояля. Едва касались, взмывали вверх, обрушивались всей тяжестью – и вновь становились легче пуха.

Не вяжется с образом сурового главы охраны?

А и неважно. Ему – неважно, главное, что музыка прекрасно приводила мозги в порядок. А Романову это очень требовалось после разговоров с княжной Горской. То есть, простите, уже с госпожой Храмовой.

Полученная им информация сильно меняла картину мира.

Милонег...

Да кто бы обращал внимание на паршивого... ладно, пусть даже красивого гвардейца? Кто он вообще такой? Таких на пятак пучок в базарный день, на развес по лавкам!

Красота?

Так через одного. Есть деньги, есть статус, будет и магия. Уж косметическая – точно.

Магия? Да у Милонег той магии был огрызок счастья! В юртах таких тоже полно, и цена им невысока.

Умение охмурять женщин?

Да, с этим сложнее всего. Но... Вот на кой черт держат этих мамок-нянек-гувернанток, если каждый смазливый проходимец...

У Игоря Никодимовича было две дочери, и его гнев был вполне оправдан. Сегодня же стоит заняться... мало ли что? Мало ли кто?

Дневник княжны Горской лежал на рояле вместо нот. Никодимов не переворачивал странички, он размышлял. Слишком мало он знал про Милонегу, чтобы делать выводы. А вот поискать еще таких же «подсадных красавчиков» стоило. Ох как стоило.

Сам Романов подстраховался бы, почему он думает о противнике плохо?

Итак, девушки и красавцы – раз.

Артефакты – два.

Милонег – три.

Уже есть где копать. И Романов с удовольствием во всем этом покопается. А еще есть княжна Горская. Второе покушение за два дня – уметь надо. Интересно, кому она так мешает?

Обязательно разберемся!

Романов еще раз пробежал пальцами по клавишам и медленно опустил крышку рояля. Работа...

Какое же замечательное слово, если она – любимая.

Глава 4

Прощай, Москва, у нас свои печали...

Четыре дня я просидела дома.

А куда мне было ходить? И главное – зачем?

Модистка приехала на дом, платье мы обсудили, куафер тоже обещал приехать на дом. Украшения мне Храмов подарил, шикарные сапфиры в золоте, а еще супруг мне достал то, что ценнее всяких побрякушек.

Книги!

Да, вот это у меня и раньше было. Мужчины мне никогда не дарили драгоценности, понимая, что счастливого визга не будет. А вот справочники могли его вызвать, равно как и прилив благодарности. И не надо думать про дешевых девушек! Вы знаете, сколько может стоить качественный справочник? Ей-ей, иные золотые побрякушки по весу дешевле выйдут!

Так что я сидела и читала про магию земли. С огромным удовольствием. Разбиралась в основных принципах построения заклинаний. Что самое смешное, больше всего учебник по магии земли был похож на смесь трех наук.

Агрохимия, ботаника и геометрия.

Откуда последняя?

А вот оттуда. Заклинание надо не просто произнести, его надо составить, рассчитать, начертить схему – видимо, это одна из причин, по которой женщин считают неспособными к магии. Кто ж дамам высшую математику преподает?

А для меня, изучавшей в школе и геометрию, и тригонометрию, и даже интегралы поймавшей за хвост, все эти «сложные» формулы были детскими игрушками.

Арина с ужасом смотрела на учебники, но даже прикоснуться лишний раз не решалась.

Я задумалась об изобретении транспортира. А еще логарифмической линейки. Это очень полезное приспособление, кто пользовался, тот помнит. И я решила посоветоваться с Храмовым.

Сергей Никодимович заинтересовался.

Как оказалось, своего Маннгейма здесь не родилось, а если и появлялся кто-то, то быстро сливался. Другой мир, другое мышление. Деламейн и Биссакер были, и даже что-то запатентовали, но широкого распространения их линейки не получили.⁶ А моя...

Тот, кто считал с ее помощью логарифмы, никогда не забудет ни вид линейки, ни какие там деления. Это не калькулятор, где ты в кнопочки тыкаешь, и черт его знает, что в электронных мозгах происходит. Мы за подобную «технику» мигом вылетали из класса и получали двойку в журнал. Математичка у нас была... брр!

С другой стороны, сколько лет после школы прошло, а линейку я помню от и до. И основные формулы интегралов напишу, и производные, и логарифмы...

Еще и посчитаю.

Вопрос у меня к Храмову возник уже на второй день, мужчина подумал – и вызвал ко мне сначала ювелира, чтобы тот воплотил мои мечты в реальность, а потом и специалиста из патентного бюро.

Описание, обоснование, несколько примеров...

Остальное?

Остальное сделают деньги. Патент будет оформлен на имя Марии Ивановны Храмовой и будет приносить мне доход. Большой?

⁶ Смотрите историю изобретения логарифмической линейки. (Прим. авт.)

Да кто ж его знает!

Сколько у нас тех линейек продавалось до изобретения калькуляторов! А ручка с таблицей умножения? А идея-то примитивная, а как полезно?

А еще штангенциркуль. И обязательно – с нониусом.

На большее я замахиваться не стала, а вот эти три вещи подробно нарисовала ювелиру. Уж не знаю, сколько ему заплатил Храмов, но все было у меня в день бала. Почти такое же, как дома, только сделано из серебра. Ну да ладно, в массовое производство все равно из других материалов пойдет, а мне можно и такие.

Не так уж часто я ими пользоваться буду.

Кстати – кто додумается, неплохо заработает. Можно ведь и элитные штангенциркули делать, с инкрустациями, и логарифмические линейки с брюликами... Все можно.

Это я и изложила Храмову.

Сергей Никодимович пообещал позаботиться о хорошей идее.

– Вы очень выгодная супруга, Машенька.

– Надеюсь. А... пока не забыла! Отец отдал приданое?

– Меньше, чем стоило бы, но отдал, – кивнул Храмов. – Вот, возьмите.

Банковская книжка, номер счета, сумма на счете.

– Что это?

– Я не оформлял вдовью долю юридически, я просто положил ваше приданое в банк, а доступ будет только у вас.

Я кивнула.

В чем-то это и правильно.

Портили жизнь только две вещи. До конца не смывшаяся краска с волос – и постоянные букеты от цесаревича.

Свин коронованный, ты что, на другую бабу запасть не мог? Вот и еще один букет с утра. Роскошные розовые розы, громадная корзина. Ёжь твою рожь!

* * *

– Вынеси в гостиную, – попросила я Арину.

– Маша, тут не только букет.

– А что еще?

– Вот, смотри.

Перед моим носом покачулся бархатный мешочек.

– И что там? Ты посмотрела?

– Ага...

– И?

Особого интереса я не испытывала. Что бы ни было – мне ничего не нужно.

– Вот!

Вот – оказался браслет. Красивый...

Изящные чеканные звенья из золота, тонкая работа, гравировка в виде роз...

– Отдай Сергею Никодимовичу, пусть отправит обратно, – распорядилась я.

– А ты не хочешь его себе оставить?

– Зачем?

– Ну... я бы оставила.

Я посмотрела на сестричку.

– Арина, а ничего, что за него потом благодарность потребуют?

– От бабы не убудет.

У меня слов не нашлось.

– Арина. Отнеси. Это. Сергею Никодимовичу.
– Сама не хочешь, мне оставь. В приданое.
– Приданое я тебе и так дам, не обижу. Ариш, не стоит принимать подарки абы от кого, ты за них потом вдвое заплатишь!
– Тебе легко говорить, у тебя и так все есть.
Я демонстративно оглядела себя.
– Что у меня есть? Что есть такого, чего нет у тебя? Реквизит?
– Рек... чего?
– Мне надо одеваться и выглядеть определенным образом. И то я не слишком стараюсь. Сама видишь.

Арина выразительно скривилась.

Все верно. Простое домашнее платье, никаких украшений. Только сережки в ушах и обручальное кольцо на пальце. У Арины тоже серьги в ушах есть, кстати. Простые, золотые, без камней. Но тут закон строг.

Крестьяне, мещане, чины до восьмого класса не имеют права носить никакие камни. Покупать – могут, продавать могут, в конце концов, это всегда выгодное вложение денег. А вот носить – нельзя.

Начиная с восьмого класса можно носить полудрагоценные камни.

Потомственные дворяне имеют право носить драгоценности, на здоровье. Любые, с любыми камнями. Исключение лишь одно – красный алмаз. Вот его можно носить только правителям, но учитывая, как их мало в мире (и королей, и алмазов, последних даже и меньше)...

Браслет был без камней. Но тонкость работы, изящество, аккуратность звеньев и гравировки... нет, это не стандартный ширпотреб.

– А может, оставим?

– Арина, мне долго упрашивать?

Сестра скривилась, но украшение отнесла. Вот и ладно.

Не нужно мне такого счастья, ни от кого. Дорогие подарки я могу принять от мужа, а все остальные идут лесом.

* * *

На бал я ехала крайне недовольная.

Да, куафер помог чем мог. И волосы мои уложили так, что цвет особо в глаза не бросался, и украсили богато, и цветами, и лентами, и кожу напудрили – опознать во мне Лейлу было нельзя. Но цесаревич Василий...

Эх, не умею я с такими кадрами работать. Еще в том мире терялась.

Давать каждому – простите, до костей сотрется. Да и просто противно. Обламывать жестко – напакосят в ответ. Не раз случалось. А то как же!

Он же такой, ну просто чумовой, из грязи вылез в князи, корона на голове уже не помещается, аж на задницу съехала, и тут самому Ему отказывает какая-то коза!

Да за такое...

Вот мне и прилетало. И за такое, и за слякое, и за всякое. Везет некоторым женщинам, они как-то умеют отказывать так, чтобы никого не обидеть. А я...

Увы.

И еще раз – увы.

А потому на бал я ехала как на каторгу. Храмов подбадривал меня, но действовало плохо. Ладно, мне просто сыграть поаккуратнее. А там...

Можно залечь дома еще на пару дней, а потом уезжать с чистой совестью.

Пару раз заезжал Романов. Уточнял насчет Милонегга, но я мало что могла сказать. Дневник отдала, остальное же...

Дура была. В упор козлиной сущности под мундиром не видела.

Романов понял, покивал и отвязался. В целом, я подтвердила его теорию о бабах-дурах, так что человек не напрягался. Не стоит думать, что он такой уж узколобый. Но вот принято так.

Как во времена плантаторского Юга.

Женщина – нежное и хрупкое существо. Мужчина ее опекает. А мысль о том, что на хрупкой даме можно поля пахать и огороды окучивать... даже если она ему приходит в голову, человек все равно молчит. Ведь не поверит никто. Или того хуже – поверит.

Бледно-голубое платье, в тон сапфирам, изящно ниспадало складками.

– Машенька, соберитесь. Если все пройдет хорошо, уедем уже через три дня.

Лучшего стимула мне и не надо было. Я расправила плечи и принялась подниматься по лестнице, опираясь на руку супруга.

* * *

Первый бал, второй бал... я человек не тусовочный. И здесь я поняла это со всей определенностью.

Шумно, в глазах рябит, в носу чешется... Дома с книжкой куда как лучше.

Да простят меня те, для кого тусовка – это профессия. Они идут «торговать мордой», и даже успешно. Для них это работа, для них это образ жизни. А у меня нет такой нужды.

Для меня это адова каторга. Точка.

Но приходится улыбаться и кланяться, а потом кланяться и улыбаться. Получается неплохо.

Кстати, в статусе я не сильно потеряла, став из княжны Горской – госпожой Храмовой. Интересно, почему так?

Разъяснил муж.

Сильная семья, сильный юрт, незапятнанная фамилия, а разница в возрасте... что такого? Наоборот, меня будут рассматривать как умную и предприимчивую особу. Была молодая жена, стала молодая вдова, привилегий больше, ответственности меньше...

Прагматизм!

Понимать надо!

* * *

В этот раз цесаревич Василий ждать себя не заставил. Явился с небольшой свитой, раскланялся направо и налево, протанцевал пару танцев с симпатичными девушками и соизволил заметить нас с Храмовым.

– Сергей Никодимович, рад вас видеть.

– Ваше высочество...

Супруг склонился в поклоне. Я сделала то же самое. Улыбнулась.

– Мария Ивановна, вы просто очаровательны сегодня.

– Благодарю вас, ваше высочество...

Улыбки, комплименты...

– ...надеюсь, вы останетесь в столице? Сезон только начался...

Ну да.

Сезон начинается два раза в год. Если не ошибаюсь, в том мире это весна и осень. На лето было принято уезжать из столиц...

Здесь примерно так же. Конец лета – и начало весны, с поправкой на местные реалии. На новогодние праздники, на летний выезд на воды...

Как по мне – хуже жизни и не придумаешь. Таскаться с бала на бал, с вечеринки на прием, но кто меня спрашивать будет?

– ...танец?

– Да, разумеется, ваше высочество.

Ёжь твою рожь!

Пока я была в задумчивости, меня тут уже ангажировать успели. На танец. И хорошо, если один.

Плохо.

Вальс.

Ладно, хорошо, что не полонез или мазурка, там бы я точно озверела, а вальс танцевать легче всего. Особо сложных фигур тут нет, слушай музыку и старайся не отдавить ноги партнеру. Если б еще этот партнер молчал!

Так нет же!

– Мария, вам нравится в столице?

– Москва всегда великолепна, ваше высочество.

– Так жаль, что вы живете в провинции...

Тебе, может, и жаль. А мне – нет.

– Провинция замечательно подходит, чтобы рожать и воспитывать детей, ваше высочество.

– Вы еще так молоды, Машенька, вам еще рано думать о детях...

– Увы, ваше высочество, женская и мужская молодость суть вещи разные. Если вы можете оставаться молодыми до седых волос, нам, женщинам, намного раньше приходится и устраивать свою судьбу, и заканчивать свой женский век.

Цесаревич хмыкнул.

– Вы не хотели бы остаться в столице на этот сезон?

– Я сделаю так, как повелит мой супруг, – похлопала я ресницами.

– Сергей Никодимович просто не понимает, что вы молоды, вам хочется развлекаться, веселиться...

Хочется.

В Березовский. К своему огороду, на свободу, и вообще...

Я же понимаю, что мы разговариваем об одном, а подтекст совсем другой.

Хотите остаться в столице?

Со мной?

Так вот, ваше высочество, – не хочу. О чем и намекаю в ответ. Я замужем, я себя прекрасно чувствую, собираюсь родить мужу наследника и изменять ему не стану. Неинтересно мне ваше предложение. Никак. Цесаревич это понимает, но кому ж понравится, когда рыбка с крючка срывается? Вот и кружат меня по залу.

Не просто так, нет...

А с умыслом. Когда заканчивается музыка, мы оказываемся рядом с небольшим альковым. Туда меня и впихивают, кстати с большой ловкостью, свидетельствующей о немалом жизненном опыте подобного рода.

– Мария...

Интересно, зачем оборудуют подобного рода комнатки? В которых из мебели только кровать размером три на три и зеркало напротив? Чулки поправить?

М-да. Здесь в обморок падать не стоит, а то на кровати и разложат. Так что...

– Ваше высочество, подобное поведение недопустимо.

Не знаю, на что рассчитывал цесаревич, но только не на подобное заявление, высказанное тоном семидесятилетней училки в хроническом климаксе.

– А...

– Чего вы добиваетесь, ваше высочество?

Да понятно чего, но прямо-то не скажешь? Поэтому цесаревич (хорошо ж его дрессировали) мигом нашел дипломатический ответ:

– Мария, я всего лишь мечтаю о минуте вашего внимания.

– Вы ее получили, ваше высочество. Что дальше?

– Если бы вы знали, насколько вы очаровательны сейчас, Машенька...

Мне осталось только закатить глаза. И тем же занудным тоном начать разъяснять:

– Ваше высочество, вот представьте. Сделали вы мне определенного рода предложение, чтобы не терять время. Взяла я и согласилась. Что дальше?

Взгляд был ошарашенным, но ненадолго. Что делать дальше, парень хорошо представлял. А вот последствия – не очень.

– Дальше – получаем мы несколько минут удовольствия на двоих. И быстро расходимся. Только вот вы – с ощущением одержанной победы, а я – чувствуя себя дешевкой и продажной девкой. Вы считаете, что это равноценный обмен?

Округлившиеся глаза цесаревича явно говорили, что он вообще о чем-то таком не думал. Оно и понятно, откуда ж такие мысли возьмутся? Он не дурак, нет. Просто дамы, которые его окружают, готовы на все. В том числе и сами о последствиях позаботятся.

– Машенька, не надо так говорить...

– Есть, ваше высочество, второй вариант. Наша интрижка затягивается, вы оставляете моего супруга в Москве, ну и меня при нем – для своего удовольствия. В этом случае я опять становлюсь продажной девкой, мой муж посмешищем, а для вас опять же никаких последствий. Хотя... вряд ли ваш отец одобрит нечто подобное в преддверии вашей свадьбы.

– Никакой свадьбы не будет, Машенька.

– Почему? – искренне удивилась я. – Не с ее высочеством Александрой, так с другой, найдут кого-нибудь, род продолжать нужно. Ах да, забыла. Вы же мне еще бастарда сделать можете, чем опозорите окончательно. Это в Европе подобное допустимо, а у нас-то не принято гнилую капусту за розы выдавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.